

Александр Александрович Бушков
Пиранья. Бродячее сокровище

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Пиранья», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118621
Пиранья. Бродячее сокровище: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03097-7

Аннотация

Цель команды Кирилла Мазура – новейший самолет электронной разведки, оснащенный уникальной аппаратурой. Микросхемы похищены, военная база взорвана – и никаких следов...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Бушков

Пиранья. Бродячее сокровище

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Пиранья. Бродячее сокровище» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. Бушков, 2003
ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

* * *

*Жил-был добрый дурачина-простофиля.
Куда только его черти не носили!
Но однажды, как назло,
повезло –
и в совсем чужое царство занесло...*

Владимир Высоцкий

Часть первая Очень одинокий странник

Глава первая Те, кто хуже татарина

Здесь их никто не ждал, и это было прекрасно. Поскольку означало, что у них есть все шансы. Когда их ждали, когда о них знали заранее, это означало провал, крах, собственный непростительный промах, а иногда и предательство, утечку информации из кабинетов, чьи хозяева за подобное, будучи выявлены, расплачиваются исключительно высшей мерой, и никак иначе.

Когда их не ждали, это означало, что добрая половина дела сделана. Оставалось, как это у них заведено, обрушиться незванными и непрошеными, совершенно нежеланными – причем, что интересно, как бы и не существующими вовсе. Как принято испокон веков в подобных предосудительных забавах, от них в случае чего просто обязаны были категорически отречься и родная страна, и родная армия, и обижаться тут нечего – такая работа. Нет тебя, и все тут. Ты сейчас не человек, а оптический обман чувств...

Оставалось обрушиться, как снег на голову – хотя эта избитая метафора, пожалуй что, неуместна при данных конкретных обстоятельствах, на севере Южной Америки, совсем неподалеку от экватора, где снегопада не бывало со времен последнего ледникового периода. Скорее уж – как гром с ясного неба.

От скуки и полнейшего безделья капитан второго ранга Кирилл Мазур, живая иллюстрация к теории относительности – он был, и в то же время его как бы и не существовало на свете – еще долго перебирал в голове наиболее подходящие метафоры. Все это время он не отнимал от глаз небольшого, но мощного бинокля с великолепной оптикой, специально придуманной для тех, кто стремится подглядывать, сколько душе угодно, оставаясь при этом незамеченным. Никаких бликов на линзах, никаких солнечных зайчиков. Причем западноевропейская фирма-изготовитель, ручаться можно, свято верила, что ее товар используют исключительно мирные охотники-орнитологи и прочие там Паганели.

Ну, таковы уж условия игры. Ничего отечественного, вплоть до распоследних мелочей. Хотя страна, посреди которой они сейчас пребывали, давно и надежно *подмята* америкосами, это все же суверенная держава, член ООН, с коей Советский Союз поддерживает нормальные дипломатические отношения, понемногу налаживает торговлю, присылает на гастроли балетные труппы и обменивается профсоюзными делегациями. А потому здесь никак не полагается нелегально пребывать советским боевым пловцам, «морским дьяволам». Ежели что – скандал разгорится по полной...

Их и не было, а как же. Просто-напросто шестеро мужиков, на вид – стандартные европеиды, с западногерманскими автоматами, итальянскими аквалангами, шведскими базаками, бельгийскими минами, французскими сигаретами и швейцарскими часами. Предметы снаряжения, взятые по отдельности, можно без особых хлопот приобрести в разных концах Европы как легально, так и на черном рынке – как, собственно, и произошло трудами неведомых Мазуру «интендантов».

Скверно только, что их *осталось* шестеро. В путь двинулись семеро, но седьмого шесть дней назад *достал* кайман, чертов здешний житель, кое в чем, приходится признать, превосходивший лучших в мире боевых пловцов – потому что был вовсе уж идеальной машиной для убийства, поставленной на конвейер задолго до появления на планете чело-

века, еще во времена динозавров. Все произошло слишком быстро, чтобы они – даже они – успели что-нибудь сделать. Кайман сидел в засаде. Молниеносный бросок, фонтан брызг, сплюснутый чешуйчатый хвост, на миг взметнувшийся над взбаламученной тинистой водой – и бесполезно преследовать, и непонятно даже, в какой стороне исчез с добычей безмозглый хищник, и нет времени дать волю эмоциям и чувствам... Скверно и грустно. Обиднее даже, чем потерять своего в бою. И ничего тут не поделаешь, хоть ты лоб себе разбей...

Коротко, со злостью, выдохнув, Мазур вновь поднес к глазам бинокль и продолжил наблюдать за успевшим осточертеть зрелищем. Американская военно-воздушная база, за эти четверо суток визуально изученная лучше собственной квартиры, а до того знакомая по спутниковым фотографиям, вольготно и безмятежно располагалась в низине – бетонированные взлетно-посадочные полосы, серебристые емкости с горючим, радарные установки, строения из рифленого железа с плоскими крышами – жилые домики и склады, столовая и штаб, лазарет и чистенькие сортиры. Все это обширное хозяйство аккуратно обнесено столбами с колючей проволокой – как обыкновенными «нитками», так и косматыми мотками «спирали Бруно». Американский размах, конечно. Одной колючки угрохано с десятков миль, да и бетонные столбы они определенно привезли с далекой северной родины, очень уж у столбов аккуратный вид...

Умеют янкесы обустриваться под любыми широтами. И порядок поддерживать умеют, этого у них не отнимешь. Мазур самокритично отметил, что отечественный военный аэродром где-нибудь в аналогичной глубинке выглядел бы со стороны отнюдь не так благолепно. Вон там непременно громоздились бы Эверестом ржавые бочки, вон там валялись бы груды и россыпью ржавые железяки непонятного происхождения, а в тех вон подходящих кустиках отсыпался бы подальше от начальства запойный прапорщик. И уж обязательно – парочка заброшенных грузовиков без колес, хлам и мусор вокруг вонючих контейнеров, лужи солярки. А здесь – ничего похожего. Ровные дорожки, чистенькие, наглухо закрытые мусорные ящики, крылечки-занавесочки, лавочки. Даже несколько цветочных клумб обустроили эти декаденты...

И лениво обвисший звездно-полосатый штандарт на высоченном дюралевои шесте, тоже чистеньком, словно вымытом с мылом. И шестиствольные пулеметы на вышках – электрические монстры, выплевывавшие по несколько тысяч пуль в минуту (а ничего расположены, грамотно). И несколько легких бронемашин для подвижной обороны периметра при необходимости. И, разумеется, самолеты, самолеты... Аэропланы, ради которых все и затевалось. Точнее, затевалось-то все ради одного-единственного, даже не вооруженного.

Вот он, чуть левее от наблюдателя, совсем недалеко от безукоризненно параллельных «нитей» колючки (шесть нитей поверху и метровой высоты «спираль Бруно» по земле). Та самая птичка. Красавец, стоит признать, изящный, длиннокрылый, супераэродинамический, высотный. «Джи-эр-двенадцать», новейший самолет электронной разведки, оснащенный аппаратурой, гордо именуемой «техникой двадцать первого века» (хотя до конца двадцатого столетия, согласно хронологии, осталось еще пятнадцать с лишним лет)...

Уже не в первый раз Мазуру приходило в голову, что чин, отвечавший за безопасность базы, был классическим сухопутчиком. В свое время он поработал на совесть, оборудовав сухопутные подступы к базе емкостными датчиками, сигнальными ракетами, при малейшем прикосновении к тонюсенькой нити взлетающими в небеса со свистом, рассыпая вороха разноцветных ослепительных искр – и даже полосами противопехотных мин. Что касается подступов водных, чин был не так ретив. Одни только столбы с колючкой и пресловутые «спиральки» – которые незванные гости, в отличие от здешних партизан, умели преодолевать быстро и без малейшего вреда для собственного организма. И все.

А может, секрет в инерции мышления, подводившей и более хитроумных спецов. Испокон веков здешние партизаны-герильеры были сугубо сухопутной напастью – разве что

порой преодолевали водные рубежи на лодках или вплавь. И только. Аквалангов у них не водилось отроду. А потому никому и в голову не пришло, что по каскаду полуозер-полуболот на протекавшей близ базы реке могут прийти боевые пловцы.

А они взяли да и нагрянули, потратив на этот не самый легкий путь четверо суток, пусть и потеряв при этом одного из семерки от «неизбежных на воде случайностей». И вот уже четыре дня, невидимые миру и никем не обнаруженные, наблюдали за базой, чтобы окончательно увериться: их не ждут.

Примостившийся рядом Викинг легко коснулся его плеча и, когда Мазур медленно повернул голову, изобразил двумя пальцами ноги идущего человека, скупым жестом указал направление.

Мазур всмотрелся, понятливо кивнул и принял к сведению. Там, куда указывал Тынис (по причине прибалтийского происхождения носивший кличку Викинг), и в самом деле имело место незаметное неопытному глазу движение – бесшумное скольжение неких полос и пятнышек посреди густой зелени, этакое призрачное перемещение смутных контуров.

Но у них-то взгляд был наметанный...

Это с наступлением вечера возвращалась на базу очередная тройка рейнджеров из охраны базы. Судя по ухваткам и квалификации – «зеленые береты», неплохо обученные действиям в джунглях. Те еще мальчики. А впрочем, опять-таки ничего из ряда вон выходящего, рутина. Каждый день эти тройки, сменяясь трижды в светлое время, прилежно и скрытно патрулировали окрестные джунгли, надолго устраиваясь в засадах на спускавшихся к озеру склонах, – предосторожность на случай, если в окрестностях все же объявятся первые за пару последних лет герильеро. На ночь «беретки» в джунглях никогда не оставались – а значит, не ждали никого конкретного. Рутинное патрулирование. Разумеется, за эти четыре дня они так ни разу и не засекали незваных визитеров – не те ребята пришли похулиганить...

Темнота здесь обрушивалась моментально и неожиданно, словно поворачивали выключатель – никаких красиво сгущавшихся сумерек и романтических закатов. Только что стоял ясный день, и внезапно чашобу заливала тьма, на небе проступали крупные звезды, на смену дневным звукам с некоторым запозданием приходили ночные, а на базе вспыхивало множество фонарей и прожекторов, зажигались вереницы окаймлявших взлетно-посадочные полосы огней, окна светились уютно, мирно, по-домашнему.

Высоко над джунглями возник шелестящий рев, он креп, приближался, и вскоре, исполненной разлапистой тенью мелькнув над кронами, на полосу приземлился припозднившийся транспортник. Едва он остановился, вокруг тут же началась деловитая, продуманная суэта – откинулась задняя аппарель, подкатили грузовики, началась разгрузка, продолжавшаяся, Мазур по вьезшейся привычке отметил, ровно пятьдесят четыре минуты.

Чем дальше, тем сильнее он чувствовал нешуточное раздражение, порою переходившее в приливы злости – оттого, что они четверо суток, обратившись в зрение и слух, торчали в чашобе, как дикие обезьяны из Бразилии, оттого, что подвернулся тупой кайман, с одинаковым усердием нападавший и на лесную свинью, и на отличного парня с другого континента. А в это время те, на базе, жили в свое удовольствие, спали на чистеньких простынках в кондиционированной прохладе, принимали душ, жрали на завтрак фрукты, джем и бифштексы в три пальца толщиной – и окна так уютно светились, и музыка играла, и футбол по телевизору...

Ничего в этой злости не было плохого, наоборот – такой настрой как раз и придает боевого куража...

А потом пришел конец и посторонним мыслям и безделью. Морской Змей наконец-то подал знак, которого они ждали четверо суток, и это было словно медный рев боевой трубы, это означало, что началась *работа*, и ничего уже не изменить, не остановить, не переиграть...

Ни единого звука. Ни шороха, ни всплеска. Словно шестеро бесплотных призраков скользили меж стволов над грешной землей, сотканые из вещества того же, что и сон – как выразался триста с лишним лет назад бессмертный бард. Бесшумно они спустились к темной и теплой, спокойной воде, бесшумно опустили в нее с головой и, погрузившись не более чем на метр, поплыли к противоположному берегу, привычно колыхая ластами – помесь Ихтиандра и акулы-людоеда...

Меж береговой кромкой и колючей проволокой было метров тридцать поросшей буйной травой земли – и эту укрытую безмятежным мраком полосу суши они преодолели быстро, столь же бесшумно – духи, а не люди, шесть ключев тумана. Оставив акваланги и приготовив оружие, залегли возле самого ограждения, так и не обнаружив ни датчиков, ни мин.

Отчего-то показалось вдруг, что от косматых спиралей, усеянных мириадами острейших лезвий, одуряюще пахнет железом, но это, конечно, чистой воды самовнушение. Скупой жест командира – и Граф *окунулся* в переплетение колючей спирали первым, словно в тяжелую болотную жижу. Вскоре затянутая в черный комбинезон фигура была уже на той стороне, залегла в траве, выставив дуло короткого автомата. За первопроходцем тем же манером *просочились* еще два черных призрака, а там настала и очередь Мазура с его двойкой. Прошло не более минуты – и вся шестерка уже на суверенной территории армии США, готовая огрызнуться метким и беспощадным огнем.

Стояла тишина, а метрах в ста впереди, на бетонке, замер «Джи-эр-двенадцатый», и возле него лениво прохаживался часовой, не ждавший никаких сюрпризов, не подозревавший, что его смерть пребывает совсем неподалеку в образе бесплотного черного призрака, не знающего жалости.

Очередной жест командира – и Мазур с Викингом и Страшилой перебежками двинулись вперед. Здесь хватало прожекторов, фонарей и кронштейнов с гирляндами ламп, но нереальной задачей было бы осветить *всю* базу. Оставалось немало полос и пятен темноты, которую незваные гости использовали мастерски. Все ближе к самолету, ближе, ближе, он вырастает на глазах, нависает над головой, уже прекрасно слышно, как часовой от скуки нудит под нос незнакомую мелодию, последнюю в своей жизни...

Тихонько щелкнул бесшумный пистолет – и мелодия оборвалась, часовой подломился в коленках, но упасть не успел, и свою автоматическую винтовку не выронил. Две тени, бесшумно вынырнув из-под фюзеляжа, подхватили его и уволокли на другую сторону, в темноту.

Буквально секунд через тридцать часовой вновь объявился на посту – в камуфляжном комбезе и высоких ботинках, в каске на пластмассовом подшлемнике, с «кольцом-коммандо» наперевес. Почти той же самой походочкой он бродил по прежнему немудрящему маршруту во влажном сумраке. Все в порядке. Ручаться можно, отряд не заметил потери бойца...

Мазур перевел дух. теперь можно с уверенностью сказать, что их не поджидает засада, что не полыхнут в лицо прожектора, не лязгнут затворы... Мнимый часовой бродил себе, как кот ученый по золотой цепи, а они со Страшилой, не мешкая, кинулись под выпуклое брюхо самолета, к багажному люку, который после двухнедельных тренировок на макете в натуральную величину могли бы нащупать и открыть с завязанными глазами.

Все их дальнейшие действия измерялись в секундах. Миг – и Мазур, кошкой взлетев на плечи напарника, нажал ручку и распахнул люк. Миг – и он внутри, в грузовом отсеке. Миг – и он, схватив за кисть подпрыгнувшего Страшилу, одним рывком втащил его к себе.

Они бесшумно поднялись по узкой крутой лесенке и оказались в салоне – обширном, во всю длину самолета. Постояли, ожидая, когда глаза привыкнут к темноте. Все вокруг приняло четкие очертания. Приборов и пультов здесь было превеликое множество, глаза разбегались. Однако благодаря тем же двум неделям тренировок на макете и тысячекратно повто-

ренным наставлениям инструктора они совершенно точно знали, за чем пришли. Понятия не имели, для чего конкретно предназначены все эти штуки – но от них этого и не требовалось.

Не прошло и минуты, как Мазур увидел цель их нелегкого и экзотического путешествия – три пульта по правому борту, усыпанные чертовой уймой тумблеров, лампочек, переключателей и кнопок. три выпуклых экрана в виде вертикальных прямоугольников – они самые, никакой ошибки...

Бодрости ради, он повторил про себя полюбившуюся цитату: «Что один человек построил, другой всегда разломать сможет». И, похлопав по плечу Страшиллу в знак того, что напарник должен бдительно стоять на шухере, достал кинжал из пришитых над коленом ножен. Вплотную приблизив к боковине пульта крохотный фонарик, осветил рабочее место, присмотрелся к креплениям. Отыскав нужную щель, вставил туда кончик лезвия, примерился, осторожно надавил, потом нажал посильнее.

Замер на миг – тихий скрежещущий треск показался громовым раскатом. Кровь оглушительно барабанила в виски. В салоне было довольно душно – вентиляция отключена, люки задраены. Резкими движениями головы, смахивая затекавшие в глаза струйки пота, Мазур продолжал ковырять кинжалом, выламывая хрупкие крепежи. И вскоре боковина подалась, стала заваливаться в сторону, Мазур, подхватив ее, хозяйственно поставил рядом.

Посветил фонариком внутрь. Электронная начинка выглядела диковинно и непонятно, но это не имело значения. Главное, он моментально определил, что *добыча* находится именно там, где ему объясняли, и выглядит именно так, как описывали. Свободной рукой он снял с пояса пластиковый мешок, расправил и положил на кресло, где совсем недавно восседал головастый парень, прекрасно умеющий обращаться со всей этой премудростью.

Ну а Мазур обращался с содержимым по-варварски – правда, бережнейшим образом. Сам себе он напоминал разорвавшего улей медведя – благо электронные внутренности и в самом деле крайне походили на пчелиные соты. Сноровисто и быстро он вырезал острейшим ножом из прочных рамок прямоугольные пленки, походившие на целлофан, только потолще. Отхватывал одним движением клинка тонюсенькие проводочки, и в голове у него звучал бесстрастный голос электронщика в штатском: «Главное, не повредить микросхемы. Главное, не повредить пленки».

Словно картину из рамы вырезал, как тот бандюга из кино... забыл название, ну да черт с ним... Стопа пленок-микросхем росла, пришлось расправить мешок, поднять горловину повыше. Ну вот, кажется, и все. Прилично набралось. Но это только один улей из трех, а его задачей было выпотрошить всю пасеку, до донышка. Мазур перешел к соседнему пульта, с приобретенной уже сноровкой выломал вторую боковину гораздо быстрее и вновь принялся вырезать микросхемы из рамок. «Делиться надо, ребята, – приговаривал он про себя, потому что работали только руки, а голова оставалась не при делах. – Христос велел делиться, сказала амеба и разделилась пополам. Делиться надо, вот что. У вас уже есть эти шпионские штучки, а у нас пока что нет, так что извольте делиться. А если что не так – ничего личного, как у вас выражаются. Нам, знаете ли, родина велела... А ежели нам велят, мы всегда исполнительные. Честное слово, ничего личного. Кто бы поперся по собственной воле на противоположный конец планеты бултыхаться в болотах, ночевать в джунглях, прикинувшись пеньками, убивать насмерть совершенно незнакомых людей и красть секретнейшие микросхемы с самолета-шпиона? Вот вы бы поперлись? То-то. Но что поделать, родина велела...»

Третий пульт. Боковина выщелкнулась еще быстрее, чем предыдущая. Едва слышный скрип синтетики под острейшим клинком, тихий шелест, душная темнота, соленые струйки пота под глухим черным комбинезоном. И тишина снаружи – а значит, никто и не подозревает, что три остальных черных призрака бесшумно перемещаются по базе, выполняя свою часть работы.

Ну, вот и все, пожалуй. Пунктуальности ради Мазур посветил внутрь раскуроченного устройства – нет, выскреб улей дочиста, причем в сто раз элегантнее, чем это проделывал бы с сотами медведь...

– Ноги! – прошептал он.

Тем же путем они вернулись на бетонку. После душного салона теплынь вокруг показала сибирским морозом. Пригибаясь, держа в левой руке на отлете драгоценный мешок – битком набитый, пухлый, надежно завязанный – Мазур бесшумно перебежал в траву, где и обнаружил Морского Змея с его двойкой. Надо полагать, все в порядке.

– Уходим, живо!

Мнимый часовой в три секунды расстался с чужой обмундировкой, положил винтовку в траву – и шестеро в темпе стали отступать к проволоке. Преодолели спирали с той же сноровкой, оказались снаружи, где в траве лежали акваланги и четыре шведских одноразовых гранатомета.

Глава вторая

Умный человек прячет лист...

По всем писаным и неписаным правилам после столь успешного завершения операции им полагалось столь же бесшумно и целеустремленно отступить прежним маршрутом. При другом раскладе они так бы и поступили. Но сейчас приказ требовал совершенно другого...

А потому Страшила извлек ножницы по металлу и принялся проделывать в «спирали Бруно» широкий проход, вполне достаточный, чтобы пролезть человеку. Закончив дело, не убрал кусачки в непромокаемую сумку, а бросил их тут же, в траву, с полнейшим пренебрежением к казенному имуществу. Рядом рассыпал из мятой пачки местные пакостные сигареты и кинул пачку неподалеку – теперь все выглядело так, словно она выпала из кармана по недосмотру. К разбросанным сломанным сигаретам прибавились обрывок газеты в пятнах ружейного масла, обгоревшие спички и несколько окурков.

После чего Морской Змей достал черную коробочку, выдвинул невысокую трехколенную антенну и, бросив быстрый взгляд на свое немногочисленное воинство, резко придавил большим пальцем кнопку, заранее втянув голову в плечи движением человека, попавшего под резкий порыв проливного дождя.

Довольно далеко от них, в глубине базы, оглушительно грохнуло, и всем шестерым показалось на миг, что они ослепли – миг погасли прожектора и лампы, фонари и огоньки вдоль взлетных полос, все до единого, словно неожиданно наступил конец света, упала непролицаемая мгла.

И тут же посреди мрака с ревом и грохотом взлетел фонтан желто-багрового пламени, а секундой спустя гроыхнуло так, словно небо, согласно представлениям древних, было натуральной твердью, и эта твердь вдруг обрушилась на грешную землю, дробясь и рассыпаясь, исполинскими обломками сотрясая все вокруг.

Это вслед за превращенной в обломки электростанцией взорвалась парочка емкостей с горючим, лишней раз подтвердив репутацию радиоуправляемых итальянских мин. На базе началось светопреставление. Высококачественный авиабензин запылялся, растекаясь из развороченных баков, над высоченными желтыми языками пламени то и дело взмывали багровые клубы дыма, напоминавшие ядерный взрыв в миниатюре, рев огня долетал даже сюда – и на его фоне замельтешили бегущие фигурки, промчался черный силуэт броневика, простучала парочка пулеметных очередей – неуверенных, панических, абсолютно бесполезных. Отчаянно завопили сирены. Неспешно ползли первые, самые страшные и хаотичные минуты всеобщего переполоха, когда никто ничего не понимает толком, когда еще не отданы первые суматошные приказы, когда кажется, что враг со всех сторон и все абсолютно полетело к чертям... Посочувствовать можно.

Еще одно нажатие кнопки – и, повинувшись короткому радиоимпульсу, взорвалась мина, заложенная Мазуром в самолете, прилепленная магнитной присоской прямо к одному из раскуроченных «ульев». Над головами залегшей шестерки пронеслась волна жаркого воздуха, сквозь темный пролом в борту шпионской птички видно было, как внутри разгорается пламя, с превеликой охотой пожирая пластмассу и синтетику.

Над бензохранилищем вставало жуткое желто-черно-багровое пламя на полнеба, надрывались сирены, метались броневики и пожарные машины. Вновь зачастили пулеметы, наугад, захлебываясь, трассирующие струи чертили в разных направлениях, но шестиствольные монстры на вышках, разумеется, молчали, из-за отсутствия электричества став совершенно бесполезными.

Викинг, привычно вскинув на плечо стеклопластиковую трубу одноразового гранатомета, нажал на спуск, и клубок огня с басовитым свистом понесся в глубину базы. В конце

концов, реактивный снаряд, повинувшись закону всемирного тяготения, рухнул на бетонку, взорвался посреди аккуратной шеренги истребителей – на фоне геенны огненной, буйствовавшей на месте бензохранилища, вспышка получилась дохленькая, жалкая, но один самолет все же загорелся. А мигом позже примерно в ту же точку вlepились еще два снаряда.

Вот *теперь* можно было уходить подальше от суеты и паники. Подальше от недавнего благолепного порядка, вмиг обернувшегося хаосом. Они бесшумно погрузились в спокойную воду, озаренную пляшущими повсюду отблесками высокого пламени и проворно двинули к противоположному берегу со всей возможной скоростью.

Иногда украсть что-то не так уж и трудно – и они блестяще это доказали на собственном примере. Гораздо труднее сделать так, чтобы кражи и не заметили вовсе, иначе кто-то неглупый очень быстро сделает соответствующие выводы и еще, чего доброго, примется клеветать, вражина идеологическая, пусть даже у него и не будет доказательств, но к чему нам лишняя клевета? То-то...

Этот финал позволял одним махом решить несколько задач. Не было никакой кражи, совершенной хваткими тренированными ребятами – просто-напросто окрестные партизаны, давным-давно грозившие добраться все же до оплота империализма, сиречь данной базы, свою угрозу в конце концов выполнили. Нагрянули ночной порой, порезали колючку, проникли на базу под покровом мрака, заложили с полдюжины мин, постреляли из гранатометов и, справедливо решив, что достаточно напакостили, злорадно полюбовались делом рук своих и убрались восвояси без малейшего для себя урона.

Именно к такому выводу придет комиссия, которая, конечно же, вскорости нагрянет сюда для расследования столь вопиющего ЧП. Мы прекрасно знаем, как это бывает, потому что у самих в подобных случаях дело обстоит точно так же. По обе стороны океана это выглядит одинаково: примчатся облеченные властью и полномочиями чины со стаей экспертов и особистов, полетят головы (в переносном смысле, конечно), несколько карьер окажутся бесповоротно сломаны, грянут грозные оргвыводы, и, как водится под любыми широтами, выйдет еще несколько детальнейших инструкций об усилении бдительности и недопущении впредь. То самое старательное маханье кулаками после драки, свойственное любой бюрократической структуре независимо от ее идеологической и национальной принадлежности. Накатанная колея.

Нельзя исключать, конечно, что рано или поздно чья-то светлая головушка со временем все же докопается до истины – но если это и произойдет, то слишком поздно. Они уже будут дома, а драгоценные микросхемы попадут к тем, кто сумеет оценить их по достоинству и сварганить нечто подобное. Цинично выражаясь, чуть ли не обычный промышленный шпионаж, которым балуются все серьезные державы, а все прочее зовется неизбежными издержками...

...Рассвет застал их на суше, в самом сердце чащобы, километрах примерно в двадцати пяти от разгромленной базы. К тому времени все водолазное снаряжение с гидрокостюмами вместе, равно как и автоматы, было утоплено на глубокой воде со всей возможной надежностью и обстоятельностью. Тысяча против одного, что захорон ку если и найдут, то археологи века двадцать третьего, и то по чистой случайности. Чтобы прочесать окрестные джунгли более-менее тщательно, потребуется парочка пехотных дивизий – которые американцы никогда сюда не пришлют, равно как и местное правительство. Конечно, рано или поздно сюда пригонят один-два обученных борьбе с партизанами батальона, вертушек подбросят, проведут рутинные вялые поиски... а может, и нет. Любой специалист сразу скажет, что партизаны не станут дожидаться поблизости от базы, пока их начнут ловить...

А самое смешное, что здешние инсургенты ничуть не обидятся, когда падкая на сенсации буржуазная пресса припишет именно им налет на базу. Вовсе даже наоборот. Ручаться можно, они сами с многозначительным видом будут намекать, что устроили все собствен-

ными силами – подобная акция кому хочешь добавит авторитета. Хотя дома, в Советском Союзе, здешних герильеро и представляют «мощным повстанческим движением против проамериканского режима, охватившим всю страну», люди информированные, вроде Мазура, прекрасно знают, что на деле все обстоит вовсе не так оптимистично. Партизанское движение тут, нужно признать, дохленькое, особыми успехами не блещет, многочисленностью не страдает, повсеместной народной поддержкой, прямо скажем, что-то не пользуется, а если уж совсем откровенно (благо парткомы и цензура остались в другом полушарии), следует уточнить, что означенные партизаны добывают средства к жизни и борьбе главным образом наркоторговлей, а идеологическую базу подвели, чтобы придать себе респектабельность и отмежеваться от прочих кокаиновых баронов, коими Южная Америка богата. Одно дело – толкать кокаин в Штаты, и совсем другое – поднимать народ на борьбу с империалистической экспансией. Но подобные уточнения, тут же одернул себя Мазур, следует позволять себе только мысленно и вдали от родины – поскольку здешние партизаны удостоились целых двух фраз в отчетном докладе на последнем съезде КПСС как очередной пример борьбы южноамериканского пролетариата против вашингтонского империализма, а, следовательно, высочайше повелено считать означенных герильеро бескорыстными борцами за светлые идеалы...

Ну и черт с ними, если откровенно. Все равно не дождешься от них никакой благодарности за бескорыстную рекламную акцию в их пользу, да и провались означенная благодарность псу под хвост...

Время все более близилось к полудню – а в том районе, где они шагали вереницей, незаметно было каких бы то ни было признаков облавы. Только однажды в воздухе объявился одинокий чоппер¹, но он летел далеко, в другом направлении, свободно может оказаться, по другим делам...

– Стоп, – сказал Морской Змей.

Они остановились и собрались в кружок – уже не классические подводные диверсанты с иллюстраций к засекреченному учебнику, а самые что ни на есть мирные на вид обыватели, в поношенной слегка гражданской одежке, за версту выдающей здешнего *таежника*, вооруженные столь убого, что любой военный человек лопнет от хохота...

Не было ни прочувствованных прощаний, ни напутствий-инструктажей – здесь собрались мальчишки хваткие, с немалым жизненным и профессиональным опытом, и не было резона в сотый раз спрашивать их, не подзабыли ли, часом, ценные указания командования и консультантов. Морской Змей попросту сказал, негромко и буднично:

– Ну что, орлы, разлетелись?

И через пару секунд шестеро исчезли в джунглях, словно капля чернил в ведре чистой воды, в шести разных направлениях. Вот только что были – и нету. Была *группа* – и не стало группы, распалась на шесть совершенно самостоятельных тактических единиц.

Правила игры, знаете ли. В местах вроде здешних шестеро крепких мужиков, путешествующих *кучей*, непременно вызовут определенные подозрения – подобные компании, доказано многолетней практикой, если и не партизанят, то отправляются в джунгли с некими предосудительными целями: скажем, раскопать древнюю индейскую могилку ради драгоценных безделушек, намыть нелегально золотишка, а то и перетащить через границу нечто контрабандное. Скверно относится здешняя Фемида к организованным группам странников – неважно, из местных уроженцев они состоят или из чужаков, разве что к чужакам отношение еще подозрительнее.

А вот одиночка – дело другое, будь он хоть трижды иностранец. Такова уж многолетняя национальная традиция. Поскольку здешние необжитые места крайне суровы к человеку,

¹ Чоппер – на американском жаргоне военный вертолет.

одиноким кладоискателем или «золотарь» предстает в глазах общественного мнения (да и Фемиды) чем-то вроде тронутого, таковым, строго говоря, и является. Группа – это предосудительно. Одиноким бродяга – субъект, достойный брезгливой, покровительственной жалости...

Именно поэтому им в свое время велели на определенном этапе *рассыпаться*. Возвращаться прежним путем, по воде, убив на это еще четыре дня, кому-то показалось рискованным, и им были даны соответствующие указания: поодиночке пробираться в ближайший городок, вооруженными нехитрыми, но правдоподобными легендами, выйти в условленную точку, явиться к надлежащему человеку, а далее, ребята, уже не ваше дело...

В общем, по чащебце целеустремленно шагал вовсе не подводный диверсант, а одинокий странник в прочных джинсах, армейских ботинках из списанного имущества, холщовой куртке и широкополой шляпе, в какой тут щеголяет каждый второй, не считая каждого первого. О том, что в подкладке поношенной куртки как раз и была защита одна шестая доля добычи, никто здесь и не подозревал – а чтобы обнаружить спрятанное, пришлось бы не на шутку потрудиться, Мазур убил два часа, дабы разместить сокровище должным образом...

За плечами у него болтался поношенный рюкзак, опять-таки выглядевший так, словно его приобрели у старьевщика, промышлявшего, помимо прочего, гешефтами со списанным армейским барахлом. Как ни приглядывайся, картина стандартная: очередной чужестранец, несолоно хлебавши возвращавшийся из джунглей – но, что отрадно, живым и здоровым...

Во внутреннем кармане куртки, заботливо зашпиленном английской булавкой, в целлофановом пакете покоился замызганный австралийский паспорт, трудами спецов с другого континента выглядевший так, словно Мазур и впрямь таскал его с собой последние десять лет. В паспорте имелась здешняя виза, выполненная по всем правилам, с гербом государства и подписью неведомого чиновника, которую тот, доведись проверить, непременно признал бы за свою.

Еще в пакете лежала столь же замызганная мореходная книжка – на то же имя, что и паспорт. Если верить обоим документам – а изготовлены они столь тщательно, что поверят многие – из джунглей объявился никакой не К. С. Мазур, а вовсе даже австралийский гражданин Джон Стьюгенботтхед.

Как и следовало ожидать, фамилия эта была выбрана не с бухты-барухты, а опять-таки тщательно *продумана* спецами. Здешние жители, в языке которых слова произносятся так, как пишутся, не особенно и сильны в английской грамматике. Даже более простые фамилии англосаксонского происхождения аборигенам трудненько бывает произнести без запинки – а уж запомнить *этакую*, тем более воспроизвести на бумаге... Все продумано. Девяносто девять человек из ста, которым странник будет представляться, уже через три секунды забудут столь заковыристую фамилию и повторить ее ни за что не смогут. Возможны, конечно, исключения в виде какого-нибудь местного интеллектуала, окончившего один из престижных штатовских университетов – но откуда ему взяться здесь, в глухой северо-западной провинции? В столице разве что...

Разумеется, оба документа были поддельными, но для провинциальных стражей порядка сойдут. Местная контрразведка, обученная американцами, конечно же, *ущучит* фальшак, но для этого нужно попасть к ней в лапы, будучи отягощенным нешуточными подозрениями, а вот это как раз было Мазуру строго-настроено запрещено. Такая работа. Он просто *обязан* был не попасть в контрразведку, и все тут. В лепешку расшибись, но не попади...

В том же кармане покоился хозяйственно перехваченный синей резинкой рулончик твердой валюты, сиречь долларов США – главным образом, пятерки, десятки и двадцатки, не бог весть какая сумма, а также гораздо более впечатляющая по объему охапка валюты местной. Увы, если учитывать, что курс ее к доллару равнялся примерно ста двадцати к

одному, выходило даже меньше, чем в «гринбеках»². А также – затертая фотография темноволосой симпатичной девушки – один бог ведает, кто такая, да парочка снимков, изображавших типично австралийские домики где-то в пригороде. Малый джентельменский набор реликвий с далекой родины, учитывавший латиноамериканскую сентиментальность, былая любовь, изволите знать, а также отчий дом и родная улица... При случае не грех и продемонстрировать с затуманенным взором.

В рюкзаке тоже не было ничего особенно интересного – запасные стиранные джинсы, парочка чистых рубашек, зубная щетка с тюбиком пасты – бродяге это положено, коли он австралиец родом, пара банок консервов, початый флакон с обеззараживающими воду таблетками, старый компас, обшарпанный фонарик и прочая дребедень, изобличавшая в Джоне Стью-как-его-там достаточно опытного путешественника, матроса с немалым стажем, в один прекрасный день решившего поискать счастья на берегу. Предельно скромные пожитки, не способные привлечь внимание серьезных грабителей.

Имелось и оружие, а как же. Приличных размеров охотничий нож, второй, карманный швейцарский перочинник с двумя десятками причиндалов, а также потерянный пистолет-кольт более чем двадцатилетнего возраста, но ухоженный и смазанный – именно такое оружие можно без особых проблем приобрести в портовых трущобах. Все продумано. Здешние полиция с большим подозрением относятся к субъектам с автоматическим оружием на плече, зато не особо навороченный карабин или простенький пистолет в кармане в здешних местах считаются непременным атрибутом уважающего себя кабальеро, письменного разрешения не требуют и, в общем, подозрений не вызывают, пока с их помощью не сотворят чего-то незаконного.

Словом, с какой стороны ни взгляни, картина кристально ясна: очередной ловец неведомой удачи, привычная деталь пейзажа. Чтобы *прикопаться* к такому вдумчиво и тщательно, нужны веские основания, а вот их-то как раз Мазур постарается не давать.

– Пошла вон, подруга, – бодро, даже весело сказал он любопытной обезьянке, тарасившейся на него из переплетения лиан в вышине. – А то еще в свидетели попадешь. Брысь, кому говорю!

Обезьяна заорала и пропала в кронах, а Мазур зашагал дальше, перепрыгивая через поваленные, гниющие стволы, зорко глядя под ноги – змей здесь было видимо-невидимо, их-то и следовало остерегаться в первую очередь. Прочие опасности вроде исполинских анаконд или свирепых ягуаров следовало отнести скорее на счет фантазии голливудских режиссеров. Анаконды водятся южнее, а ягуары попадаются редко, ищут добычу полегче, вроде дикой свиньи или обезьяны, и давным-давно усвоили, что от человека следует держаться подальше, пока он выглядит достойным соперником. И уж тем более здесь не сыщешь крококожих индейцев-людоедов...

Экзотика вокруг была самая безобидная. Попугаи и еще какие-то яркие птахи запросто порхали меж стволами, как какие-нибудь воробьи, гирлянды ползучих растений свисали с деревьев и кустарников, порой можно было усмотреть великолепную орхидею, а однажды Мазур увидел на ветке большого ленивца, который, оправдывая свое название, даже не пошевелился, хотя прекрасно видел идущего. И преспокойно пошел дальше – все эти красоты в данный текущий момент были ему совершенно ни к чему, ему следовало побыстрее и без хлопот попасть из точки А в точку Б и убраться с этого континента...

² Гринбек – «зеленая спинка», жаргонное название долларовой бумажки.

Глава третья

Профессор Плейшнер на цветочной улице

Через четыре с лишним часа, счастливо разминувшись с несколькими змеюками подколодными, так и не встретив ни ягуаров, ни людей (что в подобной чащобе порой опаснее любого хищника), Мазур вышел именно туда, куда стремился, в точку, знакомую ему до сих пор исключительно по карте. Поднялся на вершину обширного, пологого холма, частью поросшего густым кустарником, частью зиявшего проплешинами сухой красноватой земли.

Как и предупреждали, идеальный наблюдательный пункт. Вид открывается на несколько километров вокруг.

Справа виднелась Панамерикана – длинейшее шоссе, прорезавшее с севера на юг обе Америки – и там наблюдалось довольно оживленное движение. Ради въедливой пунктуальности Мазур достал из рюкзака обшарпанную, поцарапанную подзорную трубу самого что ни на есть непрезентабельного облика, с клеймом никому не известной фирмы (между нами, посвященными, не существовавшей отроду в славном городе Берне). Зато увеличение она давала восьмидесятикратное, и, что немаловажно, не могла служить уликой (мол, куплена с рук в лавочке старьевщика то ли в Сингапуре, то ли в Кейптауне)...

Вмиг раздвинув ее на всю длину, Мазур застыл в позе этакого первопроходца-конкистадора давным-давно прошедших времен.

По шоссе деловито пролетали разнообразнейшие самоходы всех цветов, размеров, марок и возраста – легковушки суперсовременные, сверкающие новеньким лаком, легковушки времен чуть ли не второй мировой, старенькие автобусы, громадные грузовики-траки, невесть откуда взявшаяся и неведомо куда спешившая пожарная машина... Довольно скоро он отметил, что среди всего этого разнообразия не попадает ни военных, ни полицейских машин, вообще в окрестностях, насколько можно судить по тому, что он видел с верхотуры, не наблюдается ни малейших признаков *чрезвычайщины*, как то: мобильных патрулей, постов на обочине, проверки документов, застав, блокпостов... Ничего подобного. Сие ценное наблюдение не на шутку прибавляло оптимизма.

Он посмотрел левее – там от Панамериканки отходила асфальтированная дорога, не в пример уже, далеко не такая оживленная. И утыкалась она прямехонько в тот самый городок, где их шестерка должна была выйти на местного нелегала.

Городок простирался себе которую сотню лет – частью в низине, частью по пологим склонам окружающих холмов. Захолустье, здешний Урюпинск. Никаких небоскребов, самые высокие здания, какие удалось рассмотреть, гордо вздымались аж на три-четыре этажа. На улицах – большей частью узких, кривых и немощеных – никакого оживления не наблюдается. Попробуем определиться...

В уме он поворачивал городок и так и этак, словно крохотный макет на столе. И очень скоро смог *привязаться* к известным заранее ориентирам – острый шпиль старинной католической церкви, водонапорная башня из бурого кирпича, полукруглая площадь с бездействующим фонтаном посередине.

Как и подобает истому головорезу из спецназа, он чуточку свысока относился к кабинетным труженикам невидимого фронта. Однако приходилось признать, что и они порой не зря едят хлеб. Географы в штатском, как оказалось, натаскали его на совесть, демонстрируя вороха фотографий и карт, чертя по ним маршруты карандашиком, перечисляя ориентиры. Отсюда Мазур не мог разглядеть ни нужный ему отель, ни площадь с милитаристскими украшениями – и то, и другое заслоняли дома – но он уже знал, как пройти к цели, не спрашивая прохожих.

В таком случае, не будем медлить, поскольку вечер близится, скоро упадет темнота, и все равно придется во исполнение инструкций ночевать в отеле напротив: если заявиться не вовремя, особо подчеркивалось, хозяин явки тебя в упор не узнает, сколько ни талдычь пароль. Мазур, как человек военный, признавал справедливость именно такой тактики и намеревался четко следовать приказу, потому что иначе просто не умел.

Примерно через полчаса он вошел в городок уверенной, неспешной походкой бывалого странника, повидавшего на своем пути превеликое множество таких вот местечек, и к тому же знающего дорогу. Шаггал с должной усталостью и равнодушием, с радостью отмечая, что аборигены, если и попадаются на пути, удостаивают его лишь мимолетного взгляда, в котором не загорается и крохотной искорки интереса или удивления. Таких, как Мазур, здесь не видались, сразу ясно.

Повсюду были вывески, которых он не мог прочитать по причине полного незнания испанского. Разговоры прохожих тоже были совершенно непонятны. По обе стороны извилистой улочки тянулись одноэтажные домики с небольшими палисадниками, где запросто, как у нас анютины глазки, росли всякие экзотические цветы; с чистыми занавесочками на окнах, аккуратными калитками непривычных очертаний, кованными железными заборчиками, выкрашенными в разные, порой самые неожиданные цвета. Почти стемнело, и там и сям вспыхнули старомодные уличные фонари. В какой-то миг Мазуру показалось, что он спит и видит сон – бредет человеком-невидимкой по странным улочкам, и говор сплошь непонятный, и никому до него нет дела. В этом, как ни странно, было что-то приятное – в том, что никому до него и дела нет.

Ага, вот оно! Площадь в виде почти правильного треугольника, где посередине, на невысоком, квадратном кирпичном постаменте возвышается пушка времен первой мировой, и под ее стволом сложена пирамидка из вовсе уж старинных ядер, какими палили лет за сто до появления на конвейере таких вот трехдюймовок – сюрреалистическое сочетание, если вдуматься, но местных, надо полагать, вполне устраивает. Ибо наглядно показывает доблесть, проявленную их державой в первую мировую: ну как же, она отправила на европейский фронт целый стрелковый батальон и торжественно порвала отношения с Германской империей, а вдобавок году в шестнадцатом береговые батареи одного из военных портов целых два часа палили по той точке у горизонта, где какому-то бдительному вояке почудился германский крейсер... Объективности ради стоит уточнить, что во вторую мировую здешний, пусть и невеликий военно-морской флот вместе с союзниками патрулировал прилегающие воды и пару раз вроде бы даже стрелял по настоящим, а не привидевшимся подводным лодкам кригс-марине.

Нужный дом располагался на другой стороне площади, фасадом к ней, – но Мазур даже не посмотрел в его сторону, потому что время уже наступило *неурочное*. Ощущая некоторое нетерпение – интересно, первый он добрался или кто-то из ребят опередил? – он направился напрямиком к двухэтажному отелю, построенному из того же бурого кирпича. Потемневшая вывеска на сей раз не могла поставить в тупик даже Мазура, знавшего по-испански лишь пяток самых известных слов. Во-первых, ему подробно рассказали об этом именно отеле, а, во-вторых, не нужно быть завзятым полиглотом, чтобы сообразить, что означает надпись «Hotel Eldorado». Тоже мне, бином Ньютона...

По обе стороны входной двери – невысокое крылечко, обе стеклянные половинки двери расписаны потемневшими цветами и узорами – горели неяркие желтые шары на древних витых кронштейнах. Мазур повернул ручку и вошел в обширный вестибюль, тускло освещенный, с потертым ковром под ногами и массивными, неподъемными креслами, обтянутыми потускневшей материей. Тихо, и пылью пахнет.

В дальнем конце вестибюля на старомодной конторке горела настольная лампа с сиреневым стеклянным абажуром, по первому впечатлению, ровесница военного монумента, а за

ней в ленивой позе восседал индивидуум немногим моложе и лампы, и монумента, взиравший на Мазура с философским спокойствием счастливица, измерявшего время не часами и даже не веками, а, пожалуй что, геологическими периодами. Полное впечатление, что человек с таким лицом и не подозревает о существовании столь мизерных отрезков, как минуты и часы. Было в старике нечто от изначальной и вечной египетской пирамиды.

Он так и не шелохнулся, пока Мазур преодолевал обширный полутемный вестибюль. Лишь когда вошедший, непринужденно опершись локтями на широкую стойку, выжидательно пожал плечами, старик вяло произнес пару фраз по-испански.

– Нон абла эспаньоль³, – пустил в ход Мазур одну из немногочисленных домашних заготовок. – Может быть, вы говорите по-английски?

– Конечно, сеньор, – сказал старик на том же наречии. – Как я догадываюсь, вы хотите снять номер?

Перед лицом такой пронизательности Мазур даже не попытался уверять, будто ищет, где можно подковать лошадь или купить прогулочную яхту. И кивнул, стараясь придать себе столь же философский вид никуда не спешащего человека.

– Надолго?

– Для начала – дня на три, – сказал Мазур.

– Ваш багаж прибудет?

Мазур мотнул головой и, не вдаваясь в долгие объяснения, продемонстрировал тощий рюкзак.

– Шестьдесят долларов, – сообщил старикан. – Тысяча извинений, сеньор, но у нас полагается платить вперед...

Цена, как тут же сообразил прошедший горнило вдумчивых инструктажей Мазур, была безбожно задранной, но спорить не приходилось. Наверняка высокая плата была чем-то вроде своеобразной страховки – всякого можно ждать от вышедших из джунглей бродяг: чего доброго, по пьянке апартамент спалит или засунет под кровать полкило контрабандного кокаина, так что хозяин потом на взятки полиции разорится...

А посему Мазур без всякой торговли достал рулончик «гринбеков», освободил его от резинки, отсчитал четыре десятки и четыре пятерки, придвинул деньги к старикану. Тот без всякого проворства, без тени алчности лениво смахнул их в выдвинутый со скрипом ящик стола, осведомился:

– Надеюсь, документы у сеньора в порядке?

– И паспорт, и виза, – Мазур сделал ленивое движение рукой к внутреннему карману. – Желаете взглянуть?

Старик поднял ладонь:

– К чему мне, сеньор, я же не полицейский... Если документы в порядке – буэно⁴. У нас цивилизованная страна, и полиция не любит людей без документов. У вас же самого будут неприятности, если что не так... Места у нас своеобразные, и народец попадаетея тоже... своеобразный. Слышали, что вчера случилось на американской базе?

– Слышал что-то краем уха, – сказал Мазур. Ухмыльнулся: – Ну, уж тут-то я решительно ни при чем...

– И слава богу, сеньор, и слава богу, – протянул старик. – От таких вещей нужно держаться подальше. Утром в ту сторону прошла колонна с солдатами, летают вертолеты, по джунглям рыщут и гринго, и наша жандармерия, в такое время документы должны быть в полном порядке... – он придвинул к себе толстую растрепанную книгу и ловко раскрыл ее

³ Я не говорю по-испански (*исп.*).

⁴ Хорошо (*исп.*).

в нужном месте. – Как мне вас зарегистрировать, сеньор? – И нацелился на чистую графу старомодной авторучкой. Мазур не без внутреннего злорадства сказал:

– Меня зовут Джон Стьюгенботтхед.

Ремесло содержателя гостиницы, если заниматься им достаточно долго, непременно воспитывает в человеке терпение и выдержку. Старикан остался непроницаемым, но явственно вздохнул. Переспросил кротко:

– Простите, как ваша фамилия?

– Стьюгенботтхед, – сказал Мазур, ухмыляясь про себя.

Однако он недооценил старикана. Тот разделался с проблемой молниеносно – попросту придвинул Мазуру толстенный гроссбух и попросил, не моргнув глазом:

– Напишите уж сами, а то я человек необразованный, темный, могу исковеркать вашу благородную фамилию, и сеньор, быть может, будет задет... Поставьте число, потом фамилию, потом распишитесь, и на этом с формальностями будет покончено...

Мазур бросил на страницу, заполненную лишь наполовину, пытливым взгляд. Согласно проставленным датам, сегодня, до его появления, в отеле зарегистрировались три постояльца. Быть может, все трое и были его добрыми друзьями. Или двое. Или один. Или – никто. Он представления не имел, под какими именами выступают остальные пятеро. Никто из шестерки не знал, какие имена и подданство получили другие – так надежнее, правила игры...

Он поставил дату, вывел фамилию и неразборчиво расписался. Придвинул книгу хозяину. Тот, небрежно ее захлопнув, осведомился:

– Путешествовать изволите?

Ему наверняка было скучно торчать тут в полном одиночестве. К тому же интерес мог быть и профессиональным – мы, знаете ли, не вчера родились, и прекрасно знаем, что повсюду на свете гостиничный персонал оказывает специфические услуги соответствующим органам. Что ж, австралиец с непроизносимой фамилией вовсе не был угрюмым, нелюдимым, наоборот, рубаха-парень, болтун и весельчак, готовый чесать язык с любым встречным-поперечным и скрывать ему абсолютно нечего...

Старательно поддерживая свой сценический образ, Мазур поудобнее облокотился на стойку и с ухмылкой сказал:

– Вы, должно быть, имеете в виду, не турист ли я? Да что вы, сеньор, ничего подобного. Вот уж не думал, что парень вроде меня похож на туриста – с одним-то жалким рюкзачком и полупустым карманом? Я моряк, знаете ли. Из Австралии. Слыхали?

– Ну, как же. Когда-то учил в школе. У вас там кенгуру и бумеранги... Значит, сеньор – моряк? Это, должно быть, так романтично? Я в детстве хотел сбежать из дома и устроиться юнгой на корабль... Не получилось. Романтично, должно быть...

Издевался или говорил серьезно? Хрен поймешь... Мазур терпеливо продолжал:

– Помилуйте, сеньор, какая там романтика? Лет сто назад – быть может, хотя крепко сомневаюсь... Работы много, а денег мало. Вот я и решил сменить профессию. В порту мне встретился один сеньор, и у него была совершенно точная карта богатого клада, закопанного в те времена, когда ваши прадеды здесь воевали за независимость...

Старик произнес мягко, чуть свысока:

– Молодой человек, таких карт обычно в тысячу раз больше, чем кладов...

– Вот и я очень быстро пришел к тем же выводам, – сказал Мазур, – и вовремя, сдается мне, пошел на попятный, так что не успел потерять ни денег, ни жизни. Махнул на все рукой и потихонечку убрался из этого самого кладоискательского лагеря. Предлагал то же самое сделать другим, но они не послушались. Ну, это их проблемы. Нет там никакого клада. А вот в чаще бродят не только ягуары, а и герильеро. Прихватит полиция, оправдывайся потом... Короче, я решил возвращаться в порт. Документы в порядке, подыщу хорошее судно – и

снова в море. Это надежнее, чем гоняться за несуществующими кладами... У вас в горе не найдется работы для парня вроде меня? Я бы с удовольствием подработал где-нибудь пару месяцев.

– Даже не представляю, где у нас может найти себе применение моряк... А что вы еще умеете, сеньор?

Мазур старательно задумался:

– Ну... Машины вожу неплохо. Знаю моторы. Силенкой бог не обидел, смею думать. – О своем умении неплохо стрелять он упоминать не стал – *такое* вряд ли сойдет за достоинство, скорее насторожит...

Старик непритворно озаботился:

– Не знаю даже, что вам и сказать с ходу, сеньор... Жизнь у нас простая и незатейливая, рабочих хватает, местным уроженцам негде руки приложить. Такое уж местечко. Вот в двадцатые годы, когда был каучуковый бум... Вы не слышали про каучуковый бум? О-о... Через наш городок проходила дорога на север, в Урупарибу, а уж там-то был настоящий размах... Дворцы из привозного мрамора, оперный театр, скопированный с какого-то знаменитого европейского, и там пели европейские звезды... А потом бум прошел. *Нас* это задело гораздо меньше, а вот Урупарибу превратился в город-призрак – со всеми его мраморными дворцами, фонтанами и прочей роскошью. Люди разъехались, город совершенно обезлюдел, разрушается помаленьку, все заросло кустарником и опутано лианами... Вы знаете, я пораспрашиваю. Вдруг да понадобится кому-то толковый водитель или механик. *Наши* люди, признаться, с моторами возиться не любят, а иногда без этого не обойдешься...

– Буду вам чрезвычайно обязан, – сказал Мазур.

Пока что все вроде бы в порядке. Недалекий малый, словоохотливый и безобидный, который никуда не спешит, наоборот, выражает желание осесть в городке... Не вызывает подозрений, а? Будем надеяться, что так...

Старик снял с доски и протянул ему ключ, прицепленный к огромной деревянной груше с облупившейся синей краской:

– Вот, извольте, сеньор. Второй апартамент. Во-он та дверь. Рукомойник там есть, кровать, разумеется, тоже, а все, гм-м, прочие усовершенствования – в конце коридора. Желаю удачи на новом месте...

– Благодарю, – сказал Мазур.

Отпер указанную дверь, вошел и щелкнул выключателем. Комната была обширной, металлическая кровать, столик и пара стульев – умиительно старомодными. Постельное белье, к его некоторому изумлению, оказалось чистым.

Сунув под подушку кольт с патроном в стволе – вполне уместная предосторожность и для диверсанта, и для лесного бродяги – Мазур плюхнулся в тяжеленное кресло, снял куртку, старательно ее ощупал. Что ж, если не знать, что там зашито, можно принять за непромокаемую подкладку...

Расшнуровав тяжеленные армейские ботинки – приходится лишь посочувствовать здешним армеутам, советские сапоги хоть и неказистые, да полегче – блаженно вытянул ноги и выкурил сигарету, неспешно затягиваясь. Потом погасил свет, подошел к высоченному окну, отвел москитную сетку и чуть приоткрыл правую створку.

Осторожно выглянул, укрываясь за сеткой. С наступлением темноты площадь ожила – там и сям под фонарями прогуливались парочки и целые компании, явственно доносился женский смех, разговоры на непонятном языке. Справа, где размещался здешний ресторанчик – длинный, открытый с четырех сторон навес над двойным рядом столов и лавок – доносились переборы гитары и звуки какого-то иного музыкального инструмента, незнакомого, слышалась песня, слабый звук вылетевшей пробки, перезвон стаканов.

«Здесь Бродвей, – понятно отметил Мазур. – Ночная жизнь в полном разгаре. Вообще, чинно гуляют, культурно. Пьют, конечно, но *нажравшихся* не видно и не слышно. У нас в похожем провинциальном городишке, что греха таить, кто-нибудь давно бы уже штаткетины выламывал с целью вразумления оппонента, и матюги звучали бы, и права бы качали... А тут все культурненько, полное впечатление, им и дела нет, что страна пребывает под пятой реакционной американской военщины, осуществляющей империалистическое проникновение в Латинскую Америку. Им бы партком действующий и лекторов из общества «Знание», а то беззаботные, спасу нет...»

Он сердито фыркнул, почувствовал легкую зависть оттого, что был чужим на этом беззаботном празднике жизни с его мягкими гитарными переборами, девичьим смехом и оплетенными бутылками вина. Присмотрелся к *нужному* зданию на противоположном конце площади, почти напротив отеля.

Небольшой двухэтажный домик старинной постройки – неизменный бурый кирпич, высокие окна. Во двор ведут глухие ворота с полукруглым верхом, над ними – кирпичная арка. На втором этаже горят все три окна по фасаду, на первом, отсюда видно – магазинчик с темной витриной, заставленной чем-то неразличимым. Интересно все же, *кто* хозяин – местный вербанутый элемент или надежно обосновавшийся под чужой личиной Вася Иванов из какого-нибудь Талдома? Вот положеньице, ха – профессор Плейшнер на Цветочной улице... А что, похоже. Только никак нельзя проявить себя растяпой, подобным Плейшнеру, с которым, как известно, воздух свободы сыграл злую шутку...

Поразмыслив, он разделся и забрался в постель – не было смысла бдить всю ночь у окна, следовало выспаться, потому что один бог ведает, придется ли спать завтра ночью. Солдат всегда здоров, солдат на все готов, и пыль, как из ковров...

Глава четвертая «Я вам не Плейшнер!»

Пробуждение было мирным и абсолютно спокойным. Никто не стоял над постелью, не тыкал автоматом в рожу, не требовал расколоться немедленно и всех выдать – в общем, день начинается неплохо...

Умывшись над рукомойником и посетив «прочие усовершенствования» в конце коридора, Мазур заботливо одернул *начиненную* куртку, являвшую собою самый настоящий клад, и браво направился к стойке. Старичка там на сей раз не было. Повесив ключ на соответствующий гвоздик, Мазур вышел на улицу, под безмятежно голубое небо. Погода стояла приятная, до полуденной жары еще далеко.

Огляделся с видом своего человека, уже прижившегося здесь. Местная ресторация – тот самый навес над двумя длинными лавками – уже приступила к работе. В торце ее дымила железная печка, на которой шкворчало не менее полудюжины сковородок и парочка кастрюль, распространявших не самые аппетитные на свете, но все же приятные запахи, позволявшие надеяться, что обойдется без экзотики в виде каких-нибудь маринованных ящериц или тушеного с черемшой каймана. Рядом возвышался старомодный белый холодильник с огромной никелированной ручкой – электрический провод от него тянулся куда-то на задворки отеля.

Мазур лениво побрел в ту сторону. Уже издали он заметил, что ресторанные посетители четко разделились на две группы, занявшие места в двух противоположных концах заведения. На одном – судя по всему, местные, уткнувшиеся в свои тарелки с отрешенным видом. На другом – четверо коротко стриженных парней, выставивших перед собой целую батарею пивных бутылочек.

«Э-ге-ге, – сказал себе Мазур, приглядевшись к ним. – Упитанные, кровь с молоком, бошки у всех на единый манер оболваненные, цивильная одежонка немудрящая... Да тут и гадать нечего. Вы, соколики мои, ручаться можно, с той самой базы будете, доподлинная US ARMY. Крепенько же вам повезло, что вчера ночью никто из вас в карауле не стоял...»

У печки суетился веселый абориген со щербатой улыбкой, давно нестриженный, в потертых джинсах и белой майке. Мазур договорился с ним в два счета на смеси ломаного английского и выразительных жестов, заплатил местную деньгу – огромную, четырехцветную, с разлапистым государственным гербом и экзотическими птицами – получил глубокую тарелку, где дымилось жареное мясо с какими-то овощами, две бутылочки пива, и вновь ощутил себя своим человеком в Латинской Америке.

Несколько секунд он колебался – как поступил бы на его месте заправский бродяга родом из Австралии? – и, сделав выбор, направился в сторону коротко стриженных парней. Всякий, кто не местный – непременно гринго, а гринго обязаны держаться вместе...

– Эй, найдется тут местечко для белого человека? – спросил он сидевшего ближе всех к нему солдата.

Тот покосился без особого интереса:

– Для белого найдется, а местной макаке – сразу в рожу...

Подобающе ослабившись, Мазур бросил, опуская на стол тарелку и бутылки:

– Эй, ты не путай натурального австралийского парня со здешними макаками... Американец?

– Ага, – сказал тот малость полюбезнее.

Остальные трое тарасились на Мазура без враждебности, скорее как на случайное развлечение.

– Студенты? – спросил Мазур общительно. – Хичхайкеры?⁵

Собеседник фыркнул:

– Пальцем в небо, кенгуру, – и провел двумя пальцами по груди, там, где у янкесов на военной форме обычно красуется табличка с фамилией. – Имущество дяди Сэма, армия США...

– А, понятно, – сказал Мазур. – Знакомая картина. Я сам служил в армии, у нас в Австралии, в парашютистах. Штаб-сержант, между прочим, это вам не хрен собачий. По-вашему... да черт его знает, как там по-вашему, но сержант – всегда сержант...

– Уж это точно, – вклинился второй. – Сержант – всегда сержант. Глотка иерихонская и полторы извилины...

– Что делать, служба... – сказал Мазур с видом крайнего простодушия. – Выйдешь в сержанты – сам орать будешь, как нанятый...

На него смотрели уже гораздо дружелюбнее. Наладился некоторый контакт.

– Выйдешь тут... – проворчал первый. – В ящик тут выйдешь... Это у вас в Австралии, надо думать, тишь-гладь да божья благодать, а тут, того и гляди, в ящик сыграешь...

– Да ну, – сказал Мазур. – Места вроде тихие...

Его собеседники так и заржали. И наперебой принялись рассказывать, как позапрошлой ночью на базу, мать ее гребаную, налетели макаки-партизаны, мать их гребаную – и подпалили, гады, с полдюжины самолетов, мать их гребаную, а также взорвали невероятное количество горючки, мать ее гребаную. Причем, что характерно, каждый из новых знакомых Мазура не ударил в грязь лицом – и подстрелил, браво, парочку нападавших, уж парочку-то, это точно.

– Туда им и дорога, мать их гребаную, – глазом не моргнув, сказал Мазур. – Чего им не сидится?

– Коммунисты, – веско пояснил собеседник.

– А, ну да... – понятливо кивнул Мазур. – Мать их гребаную...

– Везет вам, в Австралии. У вас, говорят, коммунистов нету...

– Это точно, – сказал Мазур. – Кенгуру до черта, а вот коммунистов что-то не водится...

Завязался обычный треп. Видно было, что Мазур не вызывает ни малейших подозрений. Вскоре он преподнес свою легенду в сжатом изложении, рассказал, как накололи его с кладом местные макаки – и сошлись на том, что доверять местным не стоит ни при какой погоде, мать их гребаную...

Простые были ребята, как сибирский валенок, поначалу Мазур чувствовал себя, как рыба в воде, но потом у него возникло некое внутреннее неудобство. Это был тот самый «потенциальный противник», с которым судьба его сводила под разными широтами, и Мазур в своей бурной жизни отправил к праотцам не одного их земляка – а сограждане этих вот парнишек ухайдакали кое-кого из его добрых друзей и сослуживцев. Впервые он так мирно и безмятежно дул за одним столом пиво с типичными представителями «потенциального противника» – и поневоле приходило на ум, что позавчера они прикончили в точности такого вот паренька, которому выпала несчастливая судьба стоять на карауле возле «Джи-эр-двенадцатого»: ничего личного, просто-напросто им нужно было попасть в самолет, убирая *любые* препятствия, кто ж виноват, что так сложилось...

Разумеется, он не ощущал ничего, хотя бы отдаленно напоминавшее угрызения совести – с чего бы вдруг? Правила игры придуманы не нами, такова жестокая се ля ви. Просто... Просто он никогда раньше не сталкивался с противником таким вот образом – когда тот словно бы и не противник вовсе, а обыкновенный стриженный пацан, только американский,

⁵ Хичхайкер (*амер.*) – человек, путешествующий автостопом.

дует пиво, немудряще хохмит и вполне дружелюбно расспрашивает тебя о родной Австралии. Поневоле возникает некоторое душевное неудобство, вот и все...

Через плечо одного из новых знакомых он глянул на старинный двухэтажный домик с лавчонкой на первом этаже.

И напрягся весь внутренне. Где-то рядом явственно послышался звон туго натянутой струны, перешедший в тревожный набат колоколов громкого боя...

Вот так. Но я вам не профессор Плейшнер, с которым воздух свободы сыграл злую шутку...

На подоконнике приоткрытого окошка, первого справа на втором этаже, *не было* ни белой салфетки с синей вышитой каймой, ни коричневого глиняного горшка!

А меж тем они обязаны там быть. *Обязаны*. Большая квадратная салфетка с синей, в три ряда вышитой каймой, хорошо заметная издали, и коричневый глиняный горшок в виде перевернутого усеченного конуса, в котором опять-таки обязан расти зеленый кустик, усыпанный гроздьями маленьких алых цветочков!

Нет! Нет ни салфетки, ни горшка...

Мазур ощутил, как напрягается каждый мускул, как каждая жилочка превратилась в ту самую натянутую струну. Голова была ясная, он превосходно слышал каждое слово, каждую реплику, и на обращенные к нему вопросы по-прежнему отвечал впопад – ну да, а как же, девочки в Австралии хоть и не все наперечет блондинки, но сговорчивых среди них масса, и симпатичных тоже...

Он чувствовал себя волком, оказавшимся посреди опутанного флажками редкого лесочка.

Не было ни салфетки, ни горшка, а это означало, что все рухнуло. Инструкции были просты и незатейливы: если на подоконнике нет ни горшка, ни салфетки, если там только салфетка без горшка или горшок без салфетки – не то что не входить, но даже не приближаться. Все прежние расклады летят к черту, в жизнь следует немедленно претворять запасной вариант. Нужно как можно быстрее отсюда сматываться, убираться к чертовой матери из городка, вступает в силу запасной вариант отхода...

Весь окружающий мир внезапно стал не просто чужим – враждебным. Подозревать следовало всех и вся. Пьющих пиво солдатиков – в том, что они не солдатики вовсе, а группа захвата из военной контрразведки, престарелого гостиничного хмыря – в том, что он вовсе не портье или владелец, или то и другое в одном лице, а полковник здешней тайной полиции. Все возможно, когда условленного сигнала нет на условленном месте.

«Стоп, стоп, – одернул Мазур разыгравшуюся фантазию. – Не все так ахово, и смерти нет, ребята... Во-первых, хозяин явки, что особо в свое время подчеркивалось, не знает ни одного из своих гостей в лицо, не знает даже, сколько их будет. Ему известно лишь, что к нему придут *несколько* человек и назовут пароль. Во-вторых, если бы хотели взять – давно бы взяли. В гостинице, без шума и пыли. Вместо того чтобы подсылать под личиной сиволапой пехтуры группу захвата и устраивать на площади свалку с непредсказуемым исходом, гораздо проще было пшикнуть ночью в замочную скважину какой-нибудь снотворно-парализующей гадости и взять тепленьким. Серьезная *контора* так бы и поступила. Пока что ясно одно: сигнала нет.

То ли явка провалена, то ли произошла та досадная случайность, от которой не гарантирована ни одна прекрасно задуманная операция: ну, скажем, хозяин явки попал под автобус в соседнем городишке или слег с поносом, и некому выставить горшок на салфетке. Гадать можно до бесконечности, но в этом нет нужды. Главное, нужно немедленно убираться отсюда – потому что остальные придут к тем же выводам...»

Хорошо, что запасной вариант *есть*. Правда, сформулирован он далеко не так четко, как приказ навестить домик на площади. Тут все гораздо туманнее и предоставлено твоей

собственной инициативе: двигаясь на восток (хоть по железной дороге, хоть по Панамерикане), добраться до телефона-автомата, набрать накрепко вбитый в память номер и выслушать *окончательные* инструкции... Всего делов.

Заскрежетали тормоза. Рядом с навесом остановился оливково-зеленый грузовичок с огромной белой звездой на дверце, и водитель, такой же молодой, коротко стриженный, сварливо заорал, перегнувшись в окно:

– Эй, оторвите, в конце концов, задницы от лавки! До базы еще два часа пилить, а начальство нынче злое поголовно! Огребем ведь!

– Не ори, Бак, – лениво отозвался один из новых Мазуровых знакомцев. – Мы ж про тебя не забыли, вон оно твое пиво, тебя дожидается.

– Да провались ты! После вчерашней заварушки начальство злое! Тащите задницы в кузов, а то уеду к такой-то матери, пешком топать придется!

– Ладно, ладно, идем...

Ворча и распихивая по карманам полные бутылки, четверка побрела к военному грузовичку. Мазур остался в одиночестве. Текли секунды, события развивались в мирном направлении – и он решил. Вскочил, махнул рукой:

– Эй, погоди!

– Чего тебе? – недовольно отозвался Бак.

– Подбросьте до вокзала, ребята, – сказал Мазур. – Вам все равно мимо ехать...

Бак высунулся из кабины, глядя в кузов:

– Эй, это кто?

– Да давай подбросим его, Бак, – сказал один. – Свой парень, австралиец. В армии служил. Белый как-никак.

– Ладно, мне без разницы... Давай в темпе, Кенгуру!

– Три секунды, ладно? – сказал Мазур торопливо. – Рюкзак из гостиницы заберу...

Он быстрее лани понесся в вестибюль, пробежал мимо невесты откуда объявившегося старикана, на ходу сорвал ключ с гвоздя, отпер замок. Собрать пожитки было секундным делом – подхватил рюкзак из угла, и все тут.

– Уезжаете, сеньор? – только теперь спросил старикан, ошеломленный нездешним темпом, в каком Мазур передвигался.

– Поеду на базу, к американцам, – сказал Мазур, нетерпеливо притопывая. – Предлагают работу, на бульдозере...

– Ага, понятно, – ничуть не удивившись, сказал старик. – Насколько я знаю, для бульдозеров там изрядно работенки привалило...

Судя по интонации и затаенной ухмылке, старичина не питал особой любви к заокеанской военщине, но Мазур не стал умиляться по этому поводу, чтобы не выйти из роли – бросил ключ на стойку и выбежал, крикнув через плечо:

– Номер сохраните за мной, пока деньги не кончатся! Может, еще и не получится ничего...

Грузовик его ждал, хотя солдаты уже нетерпеливо орали и свистели из кузова. Мазур с маху перевалился к ним, и Бак рванул машину с места так, что все отлетели к заднему борту. Мелькнули три окна без горшка и салфетки – и площадь осталась позади, и никто из соседей по кузову не спешил навалиться, заломить руки, наручники нацепить. «Обошлось, кажется, – подумал Мазур, подпрыгивая на каких-то ящиках. – Погуляем еще на свободе...»

Глава пятая

Дорога железная, как ниточка, тянется...

Помахав вслед грузовику, в облаке рыжеватой пыли унесшемуся прочь, Мазур подпер рюкзаком плечо и направился к бетонному зданию железнодорожного вокзала.

Пассажирский поезд отходил отсюда в восточном направлении один раз в сутки, уж это-то ему было прекрасно известно – и времени оставалось еще предостаточно, часа три, и покупка билета не разорила бы его напрочь. В общем, погуляем еще...

Вокруг наблюдалось полнейшее безлюдье. Ни единой живой души. Мазур поднялся по четырем бетонным ступенькам, оказался в обширном полутемном зале, где не горела ни одна лампочка, а два окошечка в торцевой стене наглухо закрыты изнутри. И здесь – никого.

Не собираясь сдаваться так просто, Мазур решительными шагами, гулким эхом отдававшимися под потолком напоминавшего ангар зала, направился к кассе и постучал в темную гладкую доску, закрывавшую правое окошечко – деликатно, культурно, согнутым указательным пальцем.

Никакой реакции. И столь же интеллигентный стук в левое окошечко толку не принес. Он постучал громче. Потом, наплевав на хорошие манеры – откуда они у лесного бродяги, изрядно оскотинившегося в джунглях, господи? – загрохотал кулаком совершенно по-советски, с теми же печальными результатами.

Посмотрел в окно, точнее, проем в тонкой бетонной стене. Ну да, пассажирский поезд был на месте – старенький тепловоз и три вагона с не застекленными окнами. Что за черт?

Вышел на бетонный перрон.

Опаньки!

Один-единственный живой человек все же отыскался – и это был полицейский в сером мундире с желтыми погонами и огромной коричневой кобурой на поясе. Парочку таких Мазур видел в городке – только на этом вместо кепи была сбитая на затылок каска американского образца с расстегнутым ремешком, а в левой руке он держал старомодную итальянскую винтовку – неуклюже, как грабли. Вид у стража закона был вовсе не воинственный, а скорее усталый и равнодушный, как у человека, которому все надоело на этом свете. Ни тени бдительности или охотничьего азарта, это Мазур понял с полувзгляда. Пожилой, лет пятидесяти, дядька, взмокший от пота и унылый.

Завидев Мазура, он, правда, оживился, пошел к нему, держа винтовку за середину вовсе уж раздолбайски, затараторил что-то по-испански.

Мазур пожал плечами:

– Нон абла эспаньоль, команданте...

Это-то он знал: что «команданте» здесь довольно высокий чин и потому служит вежливым обращением к любому канцелярскому сморчку, которому это страшно нравится.

«Команданте», как выяснилось, по-английски не говорил вообще. Видя, что Мазур не понимает, он вытянул два пальца и похлопал себя по губам интернациональным жестом.

«Ах, вот оно что, – подумал Мазур. – Бычки стреляешь, бедолага...»

Он протянул пачку, вежливо поднес огоньку. Полицейский с удовольствием затянулся, прислонил винтовку к стене, и, показав Мазуру на застывший поезд – где в кабине тепловоза никого не было – пожал плечами, закивал с таким видом, словно его собеседник и сам должен был прекрасно все понимать.

Мазур если что и понимал, так это то, что все неспроста. Инструктор ведь говорил: «В такой дыре билет на поезд нужно покупать заранее, часов за несколько. Потом народу набьется... Поезда ходят неаккуратно, так что там принято на вокзал приходить часа за три-четыре до отправления...»

Положительно, что-то произошло. Вот только что? Сделать, что ли, последнюю попытку?

Он показал на рельсы, на тепловоз, постучал пальцем по своим часам, всем видом демонстрируя полное непонимание происходящего. Благодарный за табачок полицейский искренне пытался ему помочь – энергично жестикулировал, повторяя одни и те же жесты, стрекотал без умолку, но, увы, в потоке слов Мазур не мог разобрать ни единого знакомого.

В конце концов, бесплодность этих усилий стала ему окончательно ясна, и он, кивнув стражу порядка, вразвалочку побрел в конец перрона. Что у них могло приключиться?

– Сеньор! Ола, сеньор! – послышался рядом азартный шепот.

Мазур медленно обернулся. Пацаненок лет десяти – двенадцати, худющий, как Кашей, лохматый и босой, в драных шортах и еще более печального вида майке, выглядывал из-за угла, манил с таинственным видом.

Не долго думая, Мазур направился за угол бетонной коробки. Вряд ли стоило ожидать каких-то неприятных сюрпризов. Пацан может оказаться и наводчиком вполне взрослых уголовничков, но, с другой стороны, среди бела дня, в двух шагах от полицейского... Нет, не настолько всё же пали нравы в этом сонном захолустье.

– Ну, что скажешь, дитя мое? – спросил Мазур с любопытством, когда полицейского не стало видно.

По-английски пацаненок не говорил. Зато искусством пантомимы владел прекрасно.

– Чух-чух-чух, фшшш! – громко изобразил он шум поезда, показал на Мазура, выразительно махнул рукой на восток, куда уходили рельсы. И, должно быть, произведя полнейшую инвентаризацию памяти, нашел все же парочку слов по-английски: – Ехххх, ехххх, да?

– Точно, – сказал Мазур. – Си. Ехххх.

Показав на тепловоз с вагонами, местный Гаврош яростно затряс скрещенными руками, замотал головой.

– Это-то я и сам уже уяснил, старина, – сказал Мазур. – Никуда этот поезд не пойдет. Можешь предложить что-нибудь получше?

Должно быть, мальчишка ориентировался на вопросительную интонацию, которую не мог не почуять при всем своем невежестве в «инглезе». Он поднял руку, помахал у Мазура под носом растопыренной пятерней:

– Синко долла, да? Синко! Долла!

У Мазура понемногу крепла догадка касаясь того, что этот нехитрый монолог означает. Для проверки он вытащил пятерку с ликом давным-давно почившего американского президента и показал, состроив многозначительную гримасу: «Это?»

Пацаненок энергично закивал – и, отпрыгнув, принялся манить Мазура куда-то в сторону путей. Почти не колеблясь, Мазур направился следом, настороженно следя, чтобы не подвергнуться внезапному нападению. При здешней бедности даже его немудрящие пожитки могли представлять немаленькую ценность.

Мальчишка ловко поднырнул под вагон товарного поезда – и Мазур последовал за ним. там, на последнем пути, стоял еще один товарняк. Проводник поманил Мазура вдоль вагонов, наконец, остановился возле одного – не закрытого наглухо, как другие, а лишённого двери, вместо которой было прибито поперек три доски. От вагона остро шибало коровьим навозом, внутри виднелись охапки соломы.

– Чух-чух-чух, ту-уууу! – сообщил мальчишка, подпрыгивая, надувая щеки, махая рукой на восток, похлопывая себя по запястью, где часов, конечно же, не было, но сам жест крайне многозначителен. – Чу-чу-чуххх!!!

– Понял, не дурак... – сказал Мазур, протягивая Гаврошу честно заработанную пятерку.

Тот просиял, шутовски отдал честь и моментально нырнул под вагон. Миг – и его уже след простыл. Мазур облегченно вздохнул, когда от головы товарняка послышался протяжный свисток, и поезд явственно дернуло, отчего лязгнула сцепка.

Ну, разумеется! Пассажирский никуда не пойдет, а вот товарняки, похоже, шпарят по расписанию, и мальчишка совершенно правильно рассудил, что путешественник вроде Мазура за особенным комфортом не гонится... Молодец, постреленок, за такую наводку дал бы и побольше пятерки!

Новый свисток, поезд дернулся. Мазур забросил внутрь рюкзак, схватился обеими руками за доски, одним рывком забросил тело внутрь, и в самую пору – товарняк тронулся, с ходу набирая скорость, а, вырвавшись на оперативный простор, прибавил еще. Городок моментально унесся назад. Мазур блаженно улыбнулся, стоя у проема с сигаретой в зубах, устроившись так, чтобы не наступить в свежую лепешку – их тут хватало, они неопровержимо свидетельствовали, что коровенок привезли в город самое позднее поутру...

– Ола, омбре!

Мазур резко обернулся, с неудовольствием подумав, что непозволительно расслабился.

Прямо в куче грязной соломы сидел здоровенный жлоб в рваных штанах и грязной майке, босой и заросший – и уже рылся без всяких церемоний в Мазуровом рюкзаке. Отряхивая с себя соломинки, из кучи в углу, почти достигавшей потолка вагона, торопливо выгребались еще двое, не столь крупной комплекции, но столь же уркаганские на вид.

«Надо же, – сказал себе Мазур, – попутчики объявились. Интересно, пацан знал, к кому меня посадил? Будем к нему справедливы – вряд ли. Эта троица, судя по виду и запаху – старые бродяги, которым не нужно, как непонятливому гринго, вдумчиво растолковывать, что на товарняках тоже можно передвигаться, причем быстро и совершенно бесплатно. Сами прекрасно знают...»

Двое зашли с боков и остановились с грозным видом. Верзила беззастенчиво копался в скудных пожитках. Мазур спокойно ждал. Главное, кольт при нем, заткнут за пояс сзади, под курткой – а собственных стволов у таких вот субъектов наверняка нет...

– Эй, вы! – сказал он с выразительным жестом. – А ну-ка, оставьте вещи в покое!

Верзила прорычал что-то по-испански, недружелюбно таращась на Мазура сквозь спутанные космы. Совершенно ясно было, что языковой барьер его нисколько не тревожит – в самом деле, есть вещи, которые в словесном сопровождении не нуждаются вовсе. Беззастенчивый грабеж среди бела дня, например.

«только не говорите мне, что эти трое – замаскированные цэрэушники или местные полицей, – подумал Мазур. – Все они не стриглись, по крайней мере, полгода, а ванну не принимали и того дольше. Нет, не засада...»

Судя по всему, скудное содержимое рюкзака верзилу не удовлетворило. Он швырнул мешок в сторону – хорошо хоть, не в коровье дерьмо – вскочил и, грозно уставясь на Мазура, прорычал на сносом английском:

– Деньги давай, рыло!

– Ах, вот как? – спросил Мазур. – Значит, настолько-то мы по-английски понимаем? Интересно, а понимаешь ты – хрен тебе в глазки?

Он сгоряча хотел было показать кукиш, но подумал, что здесь этой фигуры могут вообще не знать, или она имеет какое-то совсем другое значение – означала же когда-то у японских проституток сложенная в сторону возможного клиента фи́га, что они всецело к услугам прохожего...

– Деньги давай, рыло! Все давай!

Хорошо, что английский язык отроду не был пуританским и богат неприемлемой в светских салонах лексикой...

– А жопа у тебя не слипнется, дядя? – спросил Мазур как ни в чем не бывало. – Где, в конце концов, ваша классовая солидарность, угнетенные империализмом? Вы меня разочаровали... Чем больше я на вас смотрю, тем больше убеждаюсь, что никакой вы не прогрессивный пролетариат, а самый что ни на есть маргинальный элемент, склонный к неприкрытой уголовщине...

Троица тарасилась на него непонимающе, зло. Верзила, очевидно, полностью исчерпав свой словарный запас, разразился гневной тирадой на родном наречии, сопровождая это такими жестами, что понять без труда мог любой чужеземец – пасть порву, моргалы выколю...

Мазур не двигался. Он давным-давно мог бы больно настучать всем троим по организму, но хотел, чтобы настала полная ясность, и свои намерения они обозначили предельно четко. Чтобы и возмездие было полностью адекватным.

Дождался, ага! тот, что справа, вдруг метнулся вперед с недюжинным проворством, способным застать врасплох и менее тренированного человека, в руке у него сверкнуло что-то остро-продолговатое – опасная бритва, ну да! – и Мазур, уклонившись, привычно подбил его ногу, перехватил кисть, выкрутил руку, наподдал носком тяжелого ботинка по выпавшей бритве – и она, сверкнув на солнышке, улетела в проем.

Точным пинком под ребра Мазур отправил противника к стене. Двое оставшихся, чуть обескураженные, но не потерявшие боевого духа, надели с двух сторон, тот, что пощуплее, ожесточенно размахивал такой же бритвой, а в руке у верзилы посверкивал ножик посерьезнее, коему оставался один шаг до мачете, не более.

Дела пошли совсем серьезно, и для сантиментов не было ни времени, ни места. Верзила, более неповоротливый, чем хилый напарник, был все же поопаснее, и Мазур в первую очередь уделил внимание ему – пропустил слева от себя руку с ножом, следя, чтобы ненароком не поскользнуться на свежей коровьей лепешке, нанес удар коленом в пах, поймал могучее запястье, в секунду примостил его на ребро верхней доски, как на плаху, резко ударил. Нечеловеческий вопль, нож улетел на шпалы, верзила впечатался лбом в среднюю доску так, что она едва не вылетела.

Вот теперь можно было без помех заняться шустреньким, единственным оставшимся в строю. Он отпрыгнул, уже соображая, что дела плохи, с искажившейся харей манипулируя перед собой нехитрым, но опасным оружием.

«Брось игрушку», – жестом показал ему Мазур.

Ноль эмоций – шустрик, брызгая слюной и тщетно пытаясь напугать противника грозными воплями, дергался вправо-влево и взад-вперед, бросая взгляды на скорчившихся в соломе и дерьме дружков, в отчаянной надежде, что они все же оклемаются и подмогут.

Мазуру эти половецкие пляски надоели, и через пару секунд он шустрика достал. только руки-ноги мелькнули. Бичара заокеанский хилой спиной вперед впечатался в боковую стенку вагона-коровника, а его бритва улетела на вольный воздух.

Мазур перевел дух, отступил и прижался спиной к стене, прочно стоя на ногах. троица помаленьку приходила в себя, они один за другим вставали на четвереньки, а там и на ноги, зло сверкая глазами, что твои киношные вампиры, бормоча, судя по тону, угрозы. В дерьме они перемазались качественно.

Мазур досадливо вздохнул. Было совершенно ясно, что перемирием тут и не пахнет. Едва оклемаются, пойдут в атаку по новой – есть такой человеческий тип, пока руки-ноги не переломаешь на хрен – не успокоятся...

А до места назначения пилить не менее трех часов. Что же, провести их в пошлых потасовках? Нужно отдохнуть, набраться сил, да и пачкаться не стоит, нужно будет выглядеть в пункте назначения относительно приличным странником...

– Стоять! – рявкнул Мазур.

Бесполезно. Точно, они из тех, кому *короткая* взбучка, хоть ты тресни, не идет на пользу и ничему не учит...

– Ну, извините, – развел он руками. – Я-то, гуманист хренов, с вами по-человечески хотел договориться... Опа!

Вот *теперь* они остановились, как вкопанные, вся троица. старенький кольт, несмотря на возраст и все выпавшие на его долю жизненные испытания, все же выглядел достаточно убедительно. Ах, недостаточно?!

Нахмурясь, Мазур чуть опустил дуло и потянул спуск – плавно, без свойственной новичкам спешки. тяжелая кольтовская пуля ударила в грязные доски аккуратно на полпути меж ним и оцетинившейся троицей.

– Ну, *настолько* мы друг друга все же понимаем, – громко констатировал Мазур. – С вами, как с людьми, а вы...

И он выразительным жестом указал на проем. Ага, поняли, какие там недомолвки – но не хочется им... А что поделаешь?

Он с не сулившим ничего хорошего лицом поднял пистолет на уровень лба верзилы, потянул спуск. Пуля вжикнула у того возле самого уха. Без всякой жалости Мазур рывкнул:

– Пошли вон, кому говорю!

Тот шустрик, что напал первым, первым и кинулся к проему, все оглядываясь, жалко кривя лицо, пытаясь разжалобить и понимая, что – не удастся... Мазур стоял с поднятым пистолетом, неумолимый, как судьба.

Подвывая, шустрик кинулся головой вперед – и тут же исчез с глаз, покотившись по насыпи.

– А тебе особое приглашение нужно, тварь? – заорал Мазур.

Второй шибздик бросился следом. Донесся его приглушенный вопль.

– Ну? – спросил Мазур, криво усмехаясь.

Верзила держался гораздо более степенно и осмотрительно. Он какое-то время пожирал Мазура пылающим взором, определенно пытаясь запомнить эту физиономию на всю оставшуюся жизнь, чтобы посчитаться при случае. Но выхода не было, чего уж там – и последний из криминальной троицы шагнул к проему, взялся за доски, высунул ноги, примеряясь, в последний раз послал Мазуру ненавидящий взгляд. И прыгнул – неплохо прыгнул, грамотно, со сноровкой человека, привыкшего путешествовать таким вот образом, вскакивая на ходу, на полной скорости соскакивать. Умело прыгнул – не вперед, а назад, заранее перебирая ногами в воздухе, ухитрился и в самом деле не упасть кулем, побежал метров десять, потом все же чебурахнулся, покотился с насыпи. Но за него Мазур был спокоен – *этот* вряд ли себе поломает кости, а вот насчет двух других – вопрос, знаете ли, дискуссионный...

Он спрятал пистолет и перевел дух, стоя у проема, подставив лицо ветерку. Угрызений совести не было ни малейших. Еще апостолы учили, что поступать с людьми надо так, как они поступили бы с вами – а эта троица, никаких сомнений, преспокойно прикончила бы Мазура, окажись они в состоянии. Так что не стоит распускать слюни, не та ситуация. Или ты, или тебя. Ничего похожего на романтических бродяг Джека Лондона, на лицо ужасных, но прекраснотушных внутри – то ли классик приукрасил реальность, то ли времена изменились, безвозвратно унеся старинную романтику...

Поезд несся, ожесточенно лязгая сцепкой на стыках, насколько хватало взгляда, вприпрыжку к насыпи тянулись зеленые джунгли с редкими проплешинами сухой коричневатой земли. Приведя в порядок рюкзак, Мазур высмотрел возле самого проема уголок почище и осторожно уселся.

Как и прежде, не было пока что основания падать духом. Никаких поводов для уныния. Случилась печальная накладка – и не более того. В конце концов, не впервые в жизни.

Бывали переделки и похуже – когда он оказывался у черта на куличиках вообще без связи, без ясного и конкретного пункта назначения, а в большом мире его считали погибшим. Уж если и оттуда выбирался – что говорить об этой *прогулке*?

Есть и светлые стороны. То, например, что не существует риска пропустить свою станцию. Здесь одна-единственная железная дорога, протянувшаяся километров на четыреста без ответвлений, так что заблудиться невозможно, даже если специально стараться. Знать бы только, что поезд пойдет напрямик до самой столицы...

Нет, вряд ли, очень уж провинциальный у него облик, а, впрочем, там будет видно. Главное, что он катит в нужном направлении, с каждой минутой приближая странника к цели...

Глава шестая

Новые знакомства, приятные и неприятные

Мазур давно уже перестал таращиться на окружающие пейзажи – все равно в них не было ничего интересного – и смотрел только вперед. По его приблизительным расчетам, пора было показаться соседнему городку, где можно приютиться в дешевеньком отеле и поискать телефон...

Наметанным глазом он издали высмотрел у железнодорожного переезда нечто очень знакомое – и, отпрянув из проема, встал так, прижавшись к стенке, чтобы его не заметили снаружи.

Зря старался. Никто не смотрел в сторону поезда, промчавшегося, не снижая скорости. Двадцатимиллиметровая автоматка трехосного бронетранспортера чилийского производства была развернута в противоположную от рельсов сторону, как и американский пулемет на треноге. И солдаты, толпившиеся там числом не менее взвода, стояли спинами к железнодорожному полотну...

«Очень мило, – сказал себе Мазур. – Как прикажете понимать? Натуральнейший блок-пост...»

Вряд ли все это из-за его скромной персоны – не следует маяться манией величия. Теоретически рассуждая, можно, конечно, допустить, что поездная бригада заметила тогда бродяг, сыплющихся из поезда, словно спелые яблоки с ветки, и связалась по рации с ближайшей станцией...

Ну и что? Подумаешь, прыгают бродяги... Не тот случай, чтобы высылать к железке бронетранспортер и не менее взвода солдат, подкрепив их тяжелым пулеметом. И потом, они вовсе не смотрели на рельсы, и взглядом не удостоили товарняк.

Тогда? Без причины такого не бывает, это азбука. Какие-то противопартизанские мероприятия? Заслон расположился аккурат там, где железку пересекало широкое асфальтированное шоссе, явно рассчитанное на приличный поток машин... и, что характерно, шоссе было пустехоньким... Вот и гадай тут!

Город впереди. Точно, город!

Заскрежетали колеса – поезд ощутимо гасил скорость. Потянулись окраинные домишки, больше похожие на хижины, сляпанные из всего, что нашлось под рукой. Как, бишь, называются эти трущобы? Фавелы? Нет, фавелы – это в Бразилии. Трущобы, в общем.

А вот уже улицы поприличнее – пустые, ни машин, ни прохожих. Только однажды Мазур увидел на перекрестке живых людей – и это опять-таки солдаты, немаленькая кучка возле двух зверообразных армейских грузовиков. И совсем далеко, за скопищем острых черепичных крыш, тянется к небу косой, широкий столб черного дыма...

Здесь, точно, что-то происходило. Нечто такое, отчего следовало держаться подальше.

Мазур собрал в уме все детали мозаики – отмененный пассажирский поезд, мирного полиция, вынужденного вдруг натянуть каску и вооружиться винтарем, заставу на переезде, опустевшие улицы, дым над крышами – и лишь укрепился в этой версии. Пожалуй, и не следовало так спешить в эти места, но кто же знал, кто бы объяснил... Ч-черт!

Поезд остановился окончательно – возле каких-то угрюмых пакгаузов с высокими красными надписями непонятного содержания (будем надеяться, они не гласят, что в любого прохожего стреляют без предупреждения). И тут же к тепловозу подбежали несколько солдат в касках и оливково-зеленой форме. Одна группа скрылась из виду, перейдя на другую сторону, а другая, настороженно держа винтовки наперевес, двинулась в сторону Мазура – медленно, с оглядкой. Один держал на поводке поджарую черную овчарку, старательно обнюхивающую вагон за вагоном.

Хреновенько. По его это душу или нет, но они определенно кого-то ищут. И чертова псина человека почует моментально, как ни воняет тут коровьим навозом – профессионально работает, зараза, хорошо обучена, издали видно...

Решение надо было принимать моментально, и Мазур его принял. Упрятав кольт в одежде в заранее подготовленном местечке, улучил момент, когда никто не смотрел в его сторону, подхватил рюкзак, прыгнул на полотно и метнулся за угол пакгауза с проворством, сделавшим бы честь любому ягуару. Прижался к пыльной кирпичной стене, обратился в слух. Обошлось, кажется: ни топота ног, ни криков, ни единого звука, свойственного азартной погоне...

Тренированная память цепко держала все, что он видел, когда поезд приближался к станции. И не подвела – Мазур нырнул в заранее присмотренный проход меж двумя складскими зданиями, почти не плутая, выбежал к высокому бетонному забору. Прислушался. По ту сторону никаких особенных звуков не раздавалось.

Глубоко вздохнув, решился. Сноровисто перемахнул через забор, не потерпев ни малейшего ущерба от ржавой колючей проволоки в три ряда, натянутой поверху. Спрыгнул на ту сторону, оказавшись на тихой улочке. Дома здесь были покрыты толстым слоем копоти, оставшейся, похоже, с тех времен, когда употреблялись главным образом дымящие паровозы. Огляделся и, увидев поблизости подходящий проулочек, быстрым шагом направился туда. Главное, не бежать сломя голову и не прятаться. В подобной непонятной ситуации и то и другое чревато... Шагать целеустремленно, оставаться на виду, чтобы не заподозрили черт-те в...

Чтоб тебя! Мазур с маху остановился, чуть приподняв руки, так, чтобы сразу было видно – никакого оружия при нем нет.

Солдаты, числом трое, таращились на него выжидательно-зло. Двое помоложе, третий постарше, на левом рукаве у него скопированные с американских сержантские шевроны, гораздо шире и авантажнее. Оливково-зеленая форма, стальные каски, испанские автоматические винтовки с примкнутыми штык-ножами, пластмассовые нарукавные эмблемы, тускло-желтые значки на воротниках... «Тоже мне, ребус, – подумал Мазур, замерев посреди улицы. – Горящая гренада на фоне скрещенных сабель, черное мачете на красно-зеленом фоне, треугольник с латинской «Р» на левом рукаве, желтая полоса на правом... Обычная пехота, не гвардия, хотя у них тут эти полки по старинке именуется «конногренадерскими». Обычная пехота. Не полевая жандармерия, не парашютисты, не рейнджеры из элитных антипартизанских батальонов... А ведь это, пожалуй что, к лучшему. Глядишь, и обойдется. Главное, не злить. У них тут определенно какая-то заварушка, зольдатики любой армии в таких вот случаях злы и раздражены, так что не следует чирикать о правах человека и писаных законах, а держаться тише воды, ниже травы...»

Оба молодых держали его на прицеле с теми же выжидательно-злыми гримасами. Сержант, служака, сразу видно, старый и опытный, взирал на Мазура чуточку иначе – явно пытаясь в темпе сообразить, как и положено отцу-командиру, что это за птица объявилась, чего от нее ждать и что с ней делать.

Мазур изобразил нечто вроде робкой улыбки, искренне надеясь, что производит благоприятное впечатление. Вообще-то ему ничего не стоило в три секунды отправить эту троицу на небеса – бросок влево, уход с линии огня, тот, что ближе всех, *кладется* одним ударом, секундой позже, прикрывшись им, как щитом, из его же винтовочки вмиг срезать остальных...

А вот дальше-то что? Когда решительно непонятно, в какие такие национальные забавы они тут играют? То-то и оно...

Сержант что-то рявкнул по-испански, с видом громовержца, привыкшего казнить и миловать всякую мелочь пузатую.

– Нон абла эспаньоль, – произнес Мазур волшебную фразу.

Оттянул левой рукой полу холщовой куртки, а большим пальцем правой выразительно показал на внутренний карман.

Сержант, кажется, понял – но сначала протянул лапищу, схватил Мазура за кисти, повернул, внимательно осмотрел ладони. Показалось, что его свирепая рожа все же чуточку смягчилась, словно этот непонятный осмотр имел глубокий смысл. Вслед за тем он ловко выдернул из пальцев Мазура ляжку и швырнул рюкзак одному из солдат, не поворачивая головы, о чем-то громко распорядился. А сам запустил клешню во внутренний карман, вмиг выгреб все его содержимое... Паспорт он *держал правильно*, не вверх ногами – а это позволяло питать надежды, что читать сержантюга умеет, и, вполне возможно, сталкивался со штуковинами под названием «иностранный паспорт».

Человек-глыба полистал документ, цепким взглядом сравнил личность Мазура с фотографией, листанул мореходку. Солдатик, потрошивший рюкзак, с удовлетворенным возгласом выпрямился, демонстрируя начальству охотничий нож в ножнах.

– Герильеро? – рявкнул сержант, пугая Мазура взглядом.

– Нон герильеро!

У него создалось впечатление, что сержант попросту забавляется. Сержанты, мать их гребаную, всюду одинаковы.

– Уакеро? – прорычал сержант.

Мазур знал это словечко из книг «Уакеро» – грабитель старинных захоронений, «черный археолог». Юстицией, в том числе и здешней, вовсю преследуется.

– Нон герильеро, нон уакеро, – сказал Мазур. – Марино! Марино, маринайо, марино!

Неизвестно откуда, но у него держались стойкие воспоминания, что и в испанском «марино» как-то связано с «морем». Жаль, что нет выразительного и недвусмысленного жеста, обозначающего моряка... Ага!

Идею, пришедшую ему в голову, в данных обстоятельствах можно было смело назвать гениальной. Мазур шагнул вперед – винтовка настороженно повернулась в его сторону – медленно, плавно протянул руку, забрал у солдатика свой нож, вынул его из ножен, держа двумя пальцами за кончик лезвия, картинным жестом показал вправо, где метрах в десяти от них стоял старый потемневший забор.

И метнул нож одним молниеносным движением кисти. Лезвие на дюйм ушло в тухлявые доски.

Солдаты одобрительно воскликнули что-то непонятное. сержант сохранял олимпийское спокойствие. Потом вдруг осклабился. Широкими шагами пошел к ножу, вытащил его без усилий, сделал острием на доске пометку в виде крохотного кружочка, взял Мазура за локоть и оттащил на другую сторону улицы. Теперь от забора их отделяло метров тридцать. сунул Мазуру рукоятку в ладонь, дернул подбородком с явной подначкой: «А ну-ка?»

Тем же молниеносным движением Мазур угодил прямехонько в отметку, сделав два шага вперед и с места крутанул сальто назад. Выпрямившись, раскланялся с апломбом циркового гимнаста.

Один солдатик, самый непосредственный, тыча в него пальцем, что-то возбужденно затарахтел, причем наиболее часто повторялось слово «acrobata». Мазур, прижав руки к сердцу, раскланялся вторично. Лучше уж предстать в их глазах шутком, нежели подозрительной личностью...

Похоже, на него уже смотрели гораздо благосклоннее. На роже сержанта обозначились некие признаки умственной деятельности. Он всерьез задумался, сразу видно, что же, в конце концов, делать с попавшимся на дороге придурком. Особого благодушия на усатой роже так и не появилось, но надежды Мазура на мирный исход окрепли.

Сзади послышался окрик по-испански. сержант обернулся и, обменявшись парой фраз с троицей солдат, куда-то конвоировавших двух штатских, прямо-таки просиял вдруг. схватил Мазура за полу куртки, сунул ему в карман документы, а в руку рюкзак и, схватив за шиворот, подтолкнул к штатским. После чего отвернулся с видом человека, наилучшим образом исполнившего свою миссию на этом свете.

Один из конвоиров подтолкнул Мазура прикладом в поясницу. Он обернулся к сержанту, но тот демонстративно смотрел в другую сторону, как и оба солдата. Вздохнув, Мазур поплелся рядом с двумя незнакомцами – точнее, незнакомцем и незнакомкой, потому что вторая была молодой женщиной.

Вот же сука с нашивками! Развязал проблему простенько и элегантно – попросту сбыл с рук странную добычу, враз избавившись от всякой ответственности и необходимости самому принимать какое-то ни было решение. точно, старый служака, все ухваточки...

Мазур украдкой косился на спутников, шагая посреди улицы. Оба на первый взгляд выглядели не местными – светловолосый кудрявый бородач на пару лет помладше Мазура, довольно симпатичная девушка с коротко подстриженными темными волосами и нездешними синими глазами, оба в чистеньких джинсах, белых футболках и легких куртках. На лацканах курток у обоих – пластмассовые жетоны в форме геральдического щита с маленькими фотографиями их обладателей и непонятным испанским текстом.

Так, а зачем это один из конвоиров волокет телекамеру? Вот уж с чем он не сочетается, так это с красивой телекамерой, японской, кажется...

– Журналисты? – тихонько спросил Мазур по-английски.

– Угадали, – отозвалась девушка, выглядевшая удрученной, но не впавшей в уныние. – Теле.

Конвоиры отнеслись к разговорам с полнейшим равнодушием, и Мазур решил продолжить:

– Откуда?

– Соединенные Штаты, – кратко ответила девушка. Бородач отмалчивался, насупясь.

– Что же они вас? – спросил Мазур с неподдельным любопытством. – Хунты три года как нет, тут, говорят, демократия с законно избранным президентом...

– Этим обезьянам расскажите... – девушка дернула подбородком в сторону лениво шагавшего рядом конвоира. – Может и поверят, в чем я сильно сомневаюсь... А вы кто?

– Бродяга, – сказал Мазур. – Ловец удачи. – Австралия. Моряк. Искал тут фортуна. Пролетел.

– Интересно, – протянула она. – Кратенько, но исчерпывающе... Я – Энджел, а это – Дик.

«Из тебя такой же ангел, как из меня⁶, – подумал Мазур. – Скорее уж чертенок. строптивая девочка, с характером. Но симпатичная – спасу нет...»

– Что тут за веселуха? – спросил он с интересом.

– Заварушка на нефтепромыслах, – охотно ответила Энджел. – Сначала профсоюзы потребовали повышения зарплаты, потом как-то незаметно, по здешнему обыкновению, дела пошли круче – кто-то поджег здание администрации, кто-то начал палить по полицейским... В общем, заварилась каша, мимоходом сожгли полицейский участок и разграбили дюжину магазинов, подключились и те, кто никакого отношения к нефтепромыслам не имел, вызвали солдат...

– Понятно, – сказал Мазур. – Интересно, на что мне-то, случайному путнику, при таком раскладе рассчитывать?

⁶ «Энджел» по-английски «ангел».

– Как повернется, – угрюмо ответил бородач. – Повезет – дадут пинка под зад и отпустят, а то и к стенке поставят...

– Нет, серьезно? – повернулся Мазур к девушке.

– Кто его знает, – задумчиво сказала Энджел. – Дикки, конечно, у нас мизантроп, но тут и в самом деле все зависит от того, что им в голову взбредет... Вы тут недавно?

– Три дня.

– Тогда помалкивайте и не качайте права...

– Джон.

– И не качайте права, Джон. Если уж они загребли нас, со всеми нашими верительными грамотами и рекомендательными письмами, с вами тем паче церемониться не станут. Боюсь, ваше посольство вашей судьбой будет не особенно озабочено...

– Уж это точно, – искренне сказал Мазур, не уточняя, что австралийское посольство о таком гражданине и слыхом не слыхивало. И, дай-то бог, не услышит вовсе...

– Помалкивайте и стойте навтыжку. Смотришь, обойдется. Мы все им не особенно и нужны, у них и без нас хлопот полон рот...

– Сенсации ей захотелось, – печально упрекнул мизантроп Дик. – Говорил тебе, не стоило сюда ездить...

– Ну что ты беспокоишься? – хмыкнула девушка с ангельским имечком. – Тебе полегче тебя в случае чего просто шлепнут, а меня еще и изнасилуют... – она послала приятелю ослепительную рекламную улыбку. – Остается надеяться, что среди них найдется пара-тройка гомиков – чтоб ко мне очередь была короче...

– Нет, ребята, вы что, в самом деле... – сказал Мазур со вполне понятным беспокойством.

– Да ну, – сказала Энджел с чуточку наигранной беззаботностью. – Не джунгли все-таки и хунты в самом деле давно нет, выкрутимся. Какой-нибудь офицер рано или поздно появится среди этих чурбанов. Не те времена, чтобы американские журналисты пропадали среди бела дня...

– Вам легче, – сказал Мазур с искренней завистью.

– А вы держитесь за нас, Джон, выкрутимся...

Конвоир забежал вперед, показывая дорогу, и процессия свернула к большому магазину с выбитыми напрочь витринами и покосившейся вывеской. Войдя внутрь, Мазур убедился, что восстановление порядка в данном конкретном случае запоздало – полки были пустехоньки, только в углу, рядом с грудой оберточной бумаги, валялась одинокая банка с консервированным супом.

Посреди обширного зала, заложив руки за спину, расхаживал рослый сержант – форменный двойник того, кому попался Мазур на свою беду. та же непроницаемо-хамская *унтерская* рожа, те же габариты и стать. Кроме него, присутствовали еще четверо солдат, их винтовки были аккуратно составлены в углу.

Совсем неподалеку простучала пулеметная очередь – сухая, громкая, стрелок определенно не жалел патронов. «Эм-шестьдесят», – машинально отметил Мазур, что в этой ситуации было совершенно ни к чему. – На пол-ленты засадил, декадент...»

Сержант что-то повелительно рявкнул, и его подчиненные вкупе с конвоирами накинулись в первую очередь на Мазура – таково уж было его невезение. Вытащили документы из внутреннего кармана, развернули лицом к стене, заставили опереться на нее расставленными руками и быстренько обыскали – точнее, наскоро охлопали, проформы ради. Разумеется, пистолета в рукаве куртки они не обнаружили.

Потом его взяли за шиворот и развернули лицом к сержанту – как и в столь же стремительном темпе охлопанного Дика. Сержант, глядя на обоих взглядом завзятого людоеда, со вкусом и расстановкой погрозил им кулачищем, явно намекая, что их знакомство еще

не достигло своего апогея. Документы Мазура он сунул себе в нагрудный карман рубашки, удостоив лишь беглого взгляда.

И с ухмылкой взирал, как обыскивают девушку – впрочем, Мазур быстро понял, что дела и в самом деле обернулись скверно, поскольку с обыском эта процедура имела мало общего. Два мордоворота ее попросту лапали, неспешно и нагло запустив руки под футболку, содрали курточку, полезли в джинсы. Мазур увидел, что она кипит от злости – и, подняв глаза к потолку, стоит с надменным видом, старательно делая вид, будто это вовсе и не с ней происходит.

Потом ее развернули спиной к стене, и сержант, вразвалочку подойдя вплотную, зашептал ей что-то на ухо. Энджел бросила на него уничтожающий взгляд, ответила что-то резкое. Сержант, удрученно кивая, щелкнул пальцами.

Стоявший справа почти без замаха ударил девушку под ложечку, подхватил и повалил на пол. Двое других проворно прижали к затоптаным доскам ее руки, Энджел, зажмурившись, отчаянно хватая ртом воздух, никак не могла перевести дыхание. Дик дернулся было, но, ощутив у шеи острие штыка, остался на месте.

Сержант, передвигаясь с картинной медлительностью, опустился рядом с ней на колени, косясь на зрителей, задрал футболку под горло, погладил по груди с хамской ухмылочкой полного хозяина ситуации. Расстегнул ей «молнию» на джинсах и принялся не спеша их стягивать. То ли показалось Мазуру, то ли так было на самом деле, но во всей этой сцене была какая-то дурная театральность...

Сам он стоял на прежнем месте, глядя в пол. Он и в этой ситуации – особенно в этой, когда их сторожил один-единственный солдат с винтовкой наизготовку, а остальные тарачились на занимательное зрелище либо принимали в нем участие – мог бы в считанные секунды выложить аккуратный штабель трупов, кончить их всех к чертовой матери, прежде чем кто-то успеет опомниться. Мог благородным рыцарем вступить за поруганную девичью честь...

Да нет, самое печальное, что как раз и не мог. Не имел права. Странствующие рыцари, благородные корсары, лихие гусарские поручики и положительные ковбои, словом, вся эта публика, что согласно канонам чести с утра до вечера, без выходных и праздников обязана была защищать слабых и обиженных, не имела с Мазуром ничего общего. Прежде всего, потому, что все эти Дон-Кихоты, капитаны Блады и благородные шерифы были сами себе хозяева. А Мазур – человек сугубо военный, выполнявший не допускавшие двойного толкования приказы, имевший право на самостоятельные решения и поступки лишь в узких пределах незримых границ...

Сейчас *не тот* случай. Положить их нетрудно, но это означает ввязаться в нешуточные хлопоты *зря*, вопреки интересам дела. Чтобы доставить по назначению невесомое содержимое подкладки, он обязан был равнодушно взирать на любые гнусности, какие только могли происходить вокруг.

И он остался стоять, нисколько не презирая себя – потому что дело не в его личной трусости, а...

Энергичные, уверенные шаги простучали от двери в глубь разгромленного магазина. Это вошел офицер – не первой молодости, лет пятидесяти, седой, с аккуратными черными усиками, в безукоризненном мундире с эмблемами и значками той же пехоты, с капитанскими дубовыми листиками на погонах.

Картина переменилась мгновенно. Солдаты торопливо вытянулись, сержант оставил свое похабное занятие на середине процесса, вскочил и, такое впечатление, постарался стать ниже ростом, уставясь в пространство ничего не выражающим взглядом оловянного истукана.

Оценив происходящее с полувзгляда, капитан поднял руку, воздел указательный палец с видом Зевса-громовержца и металлическим голосом принялся, судя по тону, распекать свое расшалившееся воинство. Мазуру вновь привиделась дурная картинность и в его манерах провинциального актера и в наигранно-раскаянных позах солдат – происходящее, полное впечатление, напоминало кадр из какого-нибудь индийского фильма, где эмоции и жесты преувеличены раз в десять против реальных...

– Боже мой, сеньорита Хагерти! – удрученно воскликнул капитан, помогая девушке подняться. – Как хорошо, что я успел вовремя! И как печально, что вы проигнорировали все предупреждения, продиктованные искренней доброжелательностью... Вас же убедительно просили держаться подальше от этих беспокойных мест.

Энджел с видом гордым и презрительным неторопливо застегнула джинсы, вырвала у ближайшего солдата свою курточку, которую тот ей боязливо протянул, держась поодаль с таким видом, словно опасался, что его укусят за руку.

– Что бы я без вас делала, Агирре... – сказала она без всякой благодарности в голосе, скорее уж насмешливо.

– Я рад, что вы должным образом оцениваете мои скромные усилия, – как ни в чем не бывало протянул капитан. – Право же, вам следовало быть осторожнее, сеньорита. Здесь развернулись форменные военные действия, солдаты разозлены и бесцеремонны. Это все парни из глухих деревушек, представления не имеющие о хороших манерах и галантности...

– Ну да, я и сама вижу... Могу я попросить назад камеру?

– О, разумеется! – капитан щелкнул пальцами и второй солдат торопливо поднес телекамеру.

– Здесь была кассета с пленкой...

– В самом деле? – с непроницаемым лицом поднял бровь капитан. – Если и была, сейчас ее уже нет... Представления не имею, что с ней могло приключиться. Должно быть, эти деревенщины, забавляясь с прибором, которого в жизни не видели, кассету случайно вынули и где-нибудь выбросили... Хорошо хоть камеру не уронили... Ах, как вы легкомысленны и неосторожны, сеньорита Хагерти, при всем вашем очаровании... – он подошел к девушке совсем близко. – Дорогая сеньорита, ну зачем столь тенденциозное, одностороннее освещение непростой жизни нашего государства? Не скрою, у нас все еще имеется масса недостатков во всех областях, но нужно же понимать – свергнутая и осужденная прогрессивной общественностью хунта оставила тяжкое наследие, процесс формирования демократии нелегко и долог. В этих условиях журналистам из столь демократичной страны следовало бы, наоборот, выискивать светлые стороны в происходящем, искать положительные примеры долгого и сложного процесса перехода к демократическому обществу... В то время как вы, уж простите за откровенность, только тем и занимаетесь, что старательно выискиваете совершенно нетипичные явления вроде здешних беспорядков...

Ситуация все еще была непонятной, а судьба Мазура – непредсказуемой, но все же он ощутил нечто похожее на ностальгическое умиление. Полное впечатление, что он оказался дома и слушал очередное выступление замполита перед офицерским активом – только язык другой, а все остальное до ужаса похоже...

– Постараюсь учесть ваши ценные пожелания, – сказала Энджел безразличным тоном.

– Очень бы хотелось, очень... Пойдемте. Эти... досадные беспорядки все еще далеки от завершения. Командование, озабоченное вашей безопасностью, поручило мне проводить вас до вашей машины – разумеется, она цела и находится под нашим присмотром – и, более того, дать вам парочку провожатых, чтобы вы могли беспрепятственно вернуться в Ла-Бьянку, не подвергаясь ни малейшей опасности... – он чуть заметно усмехнулся. – Все равно у вас нет больше пленки, так что ваше дальнейшее пребывание здесь бессмысленно...

И он сделал недвусмысленный приглашающий жест, указывая на дверь, а другой рукой подал знак двум солдатам, которые подхватили винтовки и встали по сторонам – тот же конвой, только притворявшийся почетным караулом.

Энджел, сверкнув глазами на капитана, сделала шаг к двери. Сержант зашептал что-то на ухо капитану, кивая на Мазура с многообещающим видом. Понятно было без перевода: может, хоть на этом отыграемся? Мазуру стало немного неудобно.

Капитан, бегло просмотрев его документы, громко произнес в пространство:

– А что здесь делает господин из Австралии?

– Это наш шофер, – моментально ответила Энджел.

– Вот как? И давно он выступает в этом качестве?

– С сегодняшнего дня, – отрезала девушка. – Я его наняла. По-моему, на *это* я имею право?

– О, разумеется, разумеется... – капитан протянул Мазуру документы и откозырял. – Австралия, как же... У вас там много кенгуру, я видел по телевизору... а еще вы, австралийцы, за все время своей истории показывали прямо-таки образец бережного, братского и демократического отношения к аборигенам, всем этим маори...

Мазур выдержал его иронический взгляд с олимпийским спокойствием – в конце концов, австралийцем он не был и оттого не ощущал угрызений совести за «своих» предков...

– Пойдемте? – непринужденно предложил капитан.

Они вышли на улицу. Слева, над крышами, по-прежнему тянулся в небеса косой шлейф черного дыма, и где-то в отдалении трещали короткие очереди автоматических винтовок. Капитан вновь отдал честь и, заложив руки за спину, неторопливо удалился.

Дотошно поверив, хорошо ли лежат в кармане документы, Мазур сделал неожиданное открытие. И громко выругался.

Во внутреннем кармане драгоценной куртки лежали только паспорт и мореходная книжка. Деньги исчезли – и рулончик долларов, и пачка местных фантиков. Он остался без гроша в кармане. Не было смысла гадать, кто его так облегчил – то ли первый патруль, то ли эти, в магазине, все равно жаловаться бесполезно, концов не найдешь. Положеньице...

– Что случилось? – тихонько поинтересовалась Энджел. – У тебя вдруг стал такой вид, словно тебя собираются повесить на первом же фонаре...

– Нечто близкое, – сказал Мазур так же тихо. – Они у меня вытащили все деньги. Я теперь нищий.

– Да ладно тебе. Обойдется.

– Хорошо тебе говорить...

– А ты не забыл, что я тебя наняла на работу?

Мазур удивленно покосился на нее:

– Seriously? Я думал, ты меня попросту вытаскивала...

– Везет тебе, – сказала девушка. – Я все равно собиралась нанять кого-нибудь: водить машину, таскать тяжелое... Местные у меня никакого доверия не вызывают – или воры, или шпики, или то и другое вместе. А ты, как-никак – белый человек... Хотя кто тебя знает, что там за душой...

– Я надежный и положительный, – с надеждой сказал Мазур. – В одном могу тебя заверить – что я не вор и не шпики...

– А как насчет перерезанных глоток? – прищурилась она, по-прежнему игнорируя шагавших рядом безмолвных солдат.

– Мисс, за кого вы меня принимаете? – натурально оскорбился Мазур. – Я всего лишь парень, охваченный страстью к постоянной перемене мест. Жаль, Библии нет поблизости, а то бы я поклялся надлежащим образом, что чист и непорочен...

– Это моряк-то? – фыркнул Дик, пребывавший в обычной своей мизантропии.

– Вот именно, – сказал Мазур. – Мы, моряки, только на вид грубы, а души у нас чистые и нежные... Это все от морского воздуха...

Дик цинично фыркнул.

...Через полтора часа Мазур пребывал в самом блаженном ничегонеделании, валяясь в одних джинсах на старомодной железной кровати, в маленькой, но чистой комнате, где на подоконнике старательно жужжал старый вентилятор, по размерам мало уступавший гребному винту приличного эсминца, а со стены, с потемневшего портрета, пылливо и чванно таранился седовласый сеньор в неизвестном мундире с высоким стоячим воротником, пышными эполетами из серебряного сутажа и парочкой незнакомых орденов на груди. Судя по морскому пейзажу за его спиной, украшенному двумя фрегатами с тройным рядом пушечных портов, мужик был свой в доску, флотский, а это прибавляло уюта – особенно если учесть, что драгоценная куртка покоилась в рюкзаке, а тот, в свою очередь, под кроватью, и никто пока что не покушался на взятое с боем сокровище...

Легонький стук в дверь опять-таки был слишком деликатным для потенциальных охотников за бродячим кладом, и Мазур преспокойно отозвался:

– Войдите!

Вошла его спасительница и временная хозяйка, в коротком пляжном халатике из чего-то вроде махрового полотенца. В руках у нее был потемневший мельхиоровый поднос, на котором красовался премилый натюрморт, состоявший из бутылки виски, сифона и парочки высоких чистейших стаканов.

Не переменяв позы, Мазур смотрел на нее – точнее, в первую очередь на поднос. «Ну, разумеется, – подумал он скромно. – Кто может устоять против моего невыразимого обаяния? Вот и эта не выдержала, и не виноватый я перед замполитом, она сама пришла...»

Конечно, все это была исключительно бравада, прикрывавшая гораздо более серьезные и трезвые раздумья...

Энджел поставила поднос на хлипкий столик, уселась в низкое продавленное кресло, закинула ногу на ногу, присмотрелась к новонаянтому шоферу, а также прислуге за все. Потом сказала:

– Форменный хам...

– Это почему? – не без интереса спросил Мазур. – Потому что без рубахи? Ты знаешь, у меня отчего-то сложилось впечатление, что тебе уже приходилось видеть полуодетых мужиков и в ужас ты не придешь.

– Я не об этом. Нормальный человек, когда к нему заходит девушка в столь куцем халате, первым делом таранится на ее ножки, а не на бутылку.

– Каждому свое, – сказал Мазур. – У тебя великолепные ножки, и вообще ты прекрасна и ослепительна – но я реалист и прекрасно понимаю, что для меня ты навсегда останешься далекой звездой, недостижимой мечтой, а потому нужно уделить внимание более доступным удовольствиям...

– Надо же, – сказала она безмятежно. – Вот уж не думала, что австралийцы способны на такое красноречие. Прости, но я отчего-то полагала их людьми неотесанными...

– Ты забываешь, что я не типичный австралиец, – сказал Мазур. – Я моряк, полсвета исколесил, а это, согласишься, расширяет кругозор и обогащает лексикон. В общем, ты очаровательна, и этот халатик тебе ужасно идет. Если ты будешь настолько неосмотрительна, что подойдешь поближе, я его непременно с тебя сорву, а так – лень вставать. Даже цивилизованные австралийцы, избороздившие полмира – ужасные лентяи...

Девушка посмотрела на него без особого возмущения, с тем же пытливым любопытством, поинтересовалась:

– А почему ты так уверен, что не получишь немедленно по физиономии за этикие речи? Мазур ухмыльнулся:

– Потому что нутром чую: ты совершенно нормальная женщина, а любой женщине в глубине души приятно, когда к ней питают дикарскую страсть...

– Надо же...

– Будь уверена.

– Мне что, следует в обморок упасть с закружившейся от столь пылкого излияния чувств глупенькой головкой?

– Достаточно будет, если ты стыдливо покраснеешь, – сказал Мазур великодушно.

– Нахал...

– Это я подобным образом маскирую застенчивость, – признался Мазур.

– А ты, случаем, не забыл, что я просто-напросто наняла тебя на нехитрую работу? – прищурилась она.

Мазур в секунду ссыпался с постели и встал по стойке «смирно»:

– Конечно, мэм! Само собой, мэм! Готов приступить к работе! Что прикажете делать – катать квадратное или таскать круглое? Об одном прошу, хозяйка, мэм: не заставляйте меня выбрасывать старые бумеранги – уж мы-то, австралийцы, знаем, какой это тяжкий и безнадежный труд...

– Сядь, – сказала Энджел. – Работы пока что нет, но обязательно будет... Значит, застенчивость маскируешь? Мило. Что-то я не встречала застенчивых моряков, равно как и лесных бродяг...

– Ну, какой из меня лесной бродяга, – сказал Мазур. – Так, недолгий и неудачный дебют...

– Налей виски. Уж это ты должен уметь...

– А как же, мэм, хозяйка, – сказал Мазур, ловко манипулируя с бутылкой, стаканами и сифоном. – Дело для моряка знакомое...

«Интересно, какого тебе рожна от меня надо? – подумал он со своей обычной в таких случаях здоровой подозрительностью. – Ладно, предположим, что девочка ты раскованная и современная, к тому же пребываешь вдали от дома, где нет нужды заботиться о репутации. Вот и решила покувыркаться на чистой простыне с первым попавшимся подходящим экземпляром. Но все равно, на кой черт тебе шофер и такелажник в одном лице, если машину ты и сама водишь прекрасно, а ничего особо тяжелого в доме пока не заметно...»

Она отпила из своего стакана, на миг опустила длинные ресницы и спросила доверительно:

– Ты знаешь, что такое – современный журналист?

– Смутно представляю, – сознался Мазур.

– Вампир, – безмятежно сказала Энджел. – Честно тебе признаюсь. Для вампира весь род людской – винный подвал. А для журналиста... В принципе, то же самое. На все и вся, что тебе только попадается в жизни, смотришь, задавая себе один-единственный вопрос: а нельзя ли из этого сделать пристойный репортаж?

– Ах, вот оно в чем дело... – удрученно сказал Мазур. – А я-то, простая австралийская душа, решил, что на тебя произвели неизгладимое впечатление моя белозубая улыбка и ясный взгляд...

– Ага, – сказала девушка. – А еще твоя свежая виза в паспорте. Здесь строго следят за здоровьем въезжающих в страну, так что, если тебе дали визу, не обнаружили никакой заразы...

– Бог мой, как ты цинична...

– Прагматична.

– Ну, тогда скидывай халат и иди сюда.

– Перебьешься, – сказала Энджел с улыбочкой. – Нет, серьезно... С тобой в джунглях не случилось, часом, чего-нибудь интересного? Закрытые клады, дожившие до наших дней динозавры, индейские людоеды...

– Увы, – сказал Мазур. – Вынужден тебя разочаровать. Мне и в самом деле подвернулись субъекты, у которых была абсолютно достоверная карта, совершенно точно указавшая место, где во время Кортеса индейцы закопали золото... (Энджел сделала презрительную гримаску). Ага, вот именно. Я как-никак повидал мир и в людях разбираюсь... Нет, они вовсе не пытались меня охмурить – с меня нечего взять. Они сами искренне верили, что карта, которую им какой-то прохвост впарил в столице – настоящая и доподлинная. Но я быстро понял, что к чему, махнул рукой и вернулся. Пусть себе ищут – дай бог, вернутся живыми...

– Действительно, ничего интересного, – согласилась Энджел. – Жаль.

– Хочешь, расскажу, как я однажды видел в Желтом море морского змея?

– Не хочу, – сказала Энджел. – Во-первых, из морского змея нынче не выжмешь личной сенсации, а, во-вторых, ты, по лицу видно, это только что выдумал...

– Ну, мне же хочется произвести на тебя впечатление, – сказал Мазур. – Честное слово, ты обалденная девочка, зубы сводит...

– Спасибо за комплимент, – прищурилась она. – Особенно ценный в устах моряка, повидавшего, бьюсь об заклад, столько экзотических женщин в разных далеких портах... Интересно было, а?

– Уж это точно, – без улыбки сказал Мазур.

И вспомнил самую экзотическую свою красотку – очаровательную Мэй Лань, змею подколенную, вспомнил ночную рукопашную на палубе того суденышка, когда в нем впервые вспыхнула нешуточная боязнь *не одолеть*... Ах, какая женщина, лютому врагу б такую...

– Вспомнил что-то интересное? – тут же прицепилась Энджел.

– Да нет, – сказал Мазур, торопливо отгоняя крайне неприятные воспоминания. – Сплошная ерунда... Ничего интересного нет в этих экзотических красотках...

– Потому, наверное, что это были сплошь проститутки?

– Ну что ты, – сказал Мазур. – Вовсе не сплошь...

Он не стал рассказывать, что во времена, казавшиеся сейчас седой древностью, у него на одном экзотическом острове была самая что ни на есть законная по тамошним порядкам жена, всецело подходившая под определение «экзотическая красотка». И с легкой грустью поймал себя на том, что никак не может вызвать в памяти лица своей недолгой благоверной, даже имя всплыло из глубин с превеликим трудом...

– Знаешь, а я пришла покаяться, – сказала Энджел вдруг.

– Ну да? – с интересом спросил Мазур. – Я, конечно, не священник, но постараюсь принять вашу исповедь, дочь моя... Вот, к примеру, сколько у вас было...

– Подожди, – прервала она. – Я серьезно. Каюсь, каюсь... Мне тут пришла в голову мысль, как тебя использовать. Убери с физиономии похотливую ухмылку, я не о том... В общем, мне не особенно нужен шофер или носильщик...

– Мне тоже это в голову пришло. Тогда? Я на что угодно готов по причине лютого безденежья, разве что в рабство на плантации не согласен...

– Успокойся, – сказала девушка. – Рабства даже здесь давно уже нет. Видишь ли, все дело в том, что мне позарез нужен... точнее говоря, нужна импозантная вывеска.

– Интересно, – сказал Мазур. – И главное непонятно пока что.

– Ничего сложного, ты быстро поймешь... Понимаешь, нравы тут специфические. Здешние мужики, все поголовно, крутые мачо – и не важно, по-настоящему, или просто полагают себя таковыми. Дело даже не в долгом владычестве хунты, а в вековых традициях. Только мужчина имеет право на серьезную профессию, а женщина, особенно молодая, на

каждом углу сталкивается с тем, что к ней относятся совершенно несерьезно. Не принимают всерьез, хоть ты тресни. Меня предупреждали, но я не придавала значения. Оказалось, чистая правда... Короче говоря, мне чертовски трудно работать...

– Не принимают всерьез...

– Вот именно, – сказала она сердито. – А если учесть, что вскоре предстоит очень важное интервью, на которое мой шеф возлагает большие надежды...

– Сенсация?

– Ну, как сказать... В каком-то смысле. Интервью с главарем местных повстанцев.

– Ого! – сказал Мазур. – А как тебе удалось...

– Господи, это не трудно. Эта публика спит и видит, как бы оказаться перед телекамерами – в точности как наши кинозвезды. Но когда к нему заявится не импозантный ведущий с красивой сединой, а молодая женщина...

– Не получится серьезного разговора, а? – понятно подхватил Мазур. – А значит, и хорошего репортажа...

– Правильно.

– Все равно не врубаюсь, – сказал Мазур. – При чем тут импозантная вывеска в моем лице?

– Господи, это же так просто! – с досадой сказала Энджел. – Я куплю тебе приличный костюм – тут есть местечко, где можно взять весьма неплохой за какие-то полсотни баков. Для пущей важности наденешь очки – с простыми стеклами, но в красивой оправе... Это ты будешь американским репортером, ясно? А я – не более чем скромной переводчицей. Звезда американского телеэкрана и девчонка-переводчица... Ну, сообразил наконец? Разумеется, я тебя предварительно как следует вышколю, выучишь вопросы – на случай, если он захочет говорить по-английски, он как-никак учился у нас в Штатах, чуть ли не в Принстоне... Усек?

– А это безопасно? – спросил Мазур. – Черт их знает, этих партизан. Дикий народ...

– Глупости. Партизаны во всем мире обожают журналистов. Я была и в Африке, и в Юго-Восточной Азии, везде одно и то же, а здесь, вдобавок, следует делать поправку на Латинскую Америку с ее любовью к театральным эффектам, здесь журналистов обожают в квадрате.

– А Дик?

– Дик – оператор, ему камеру держать... Ну?

– Ох, не знаю... – сказал Мазур с сомнением. – Нам что же, придется переться в джунгли?

– Зачем? Они сами предпочитают большую часть времени жить с комфортом где-нибудь в городе. Не знаю всех подробностей, но ручаться можно, что у здешнего команданте куча конспиративных квартир в той же Ла-Бьянке, где он главным образом и обитает – с кондиционером, набитым напитками холодильником и смазливymi товарищами по нелегкой борьбе женского пола. Если все будет в порядке, завтра должен объявиться связной... Говорю тебе, это абсолютно безопасно. Нас проводят на явку, поговорим и преспокойно уедем.

– Знаешь что? – фыркнул Мазур. – Это тебе обойдется в лишнюю сотню баков. Насчет вывески мы не договаривались.

– Господи! – усмехнулась Энджел. – Подумать только, что весь мир упрекает в меркантильности именно нас, американцев... не видали они австралийцев... Значит, ты не против?

– Подумать надо, – сказал Мазур, меряя ее многозначительным взглядом. – Прикинуть...

Девочка оказалась на высоте – без лишних церемоний отставила пустой стакан, встала, непринужденно скинула халатик и прошла мимо Мазура к постели, сунув ему в ладонь с великолепной небрежностью яркую коробочку.

Мазур, естественно, последовал за ней, не теряя времени – и получил свое с должным набором стонов-охов-вздохов, на все лады, под одобрительным взглядом старинного моряка в эполетах, под скрежет старенького вентилятора. Приятная была девочка, и достаточно умная, чтобы не вскакивать после с деловым видом выполнившего свою часть сделки бизнесмена, оставалась лежать в его объятиях, выдав не слишком щедрую, но и не скупую дозу воркующих глупостей на ушко.

– Ну и как, стоит это сотни баков?

– Дай подумать, – сказал Мазур, по-хозяйски распуская руки. – Пожалуй что, это стоит ста пятидесяти.

За что он тут же получил легонькую затрещину, каковую перенес стоически, лишь ухмыльнулся в потолок. Спросил, кивнув на портрет:

– Что это за павлин?

– Кто его знает, – пожала плечами Энджел. – Я сняла домик со всей нехитрой обстановкой, он тут так и висел... И что, это все, на что способны изголодавшие в джунглях австралийцы?

– Позволь чуток передохнуть, – сказал Мазур. – Чересчур уж скорый переход от бродяжничания к подобию семейного уюта...

В голове у него щелкал невидимый миру компьютер, обязанный сейчас пренебрегать всем на свете, даже обнаженной красоткой в непосредственной близости. Бывают моменты, когда человек вроде него просто обязан маяться самой натуральной паранойей, сиречь манией недоверия и подозрительности. Он вновь и вновь быстренько прокручивал в памяти их знакомство, ход дальнейших событий, предложение поработать импозантной вывеской.

И пока что не находил подвоха. Это, разумеется, вовсе не означало, что подвоха не было – просто *пока что* Мазур его не усматривал. Не просекал, в чем тут может таиться подвох. С этой парочкой судьба свела его самым случайным образом, сам дьявол не мог предугадать, что Мазур нагрянет на товарняке в этот именно городок, кинется по этой именно улице. *Таких* подстав просто не бывает. Все пока что выглядит вполне естественно: события, мотивировки, подоплека...

И все равно казалось, что от рюкзака под кроватью пышет жаром, столь нестерпимым, что лежащая в его объятиях девушка просто обязана его ощутить...

Глава седьмая

Герилья в атомном веке

Таинственный партизанский посланец заявился часа в два пополудни – когда Мазур давным-давно был проинструктирован должным образом, и они втроем отрепетировали предстоящее интервью три раза. А впрочем, в посланце не оказалось ничего таинственного: попросту худощавый патлатый юноша в очках под Джона Леннона, отглаженных белых брюках и белоснежной рубашке навыпуск (под которой наметанный глаз Мазура сразу высмотрел заткнутый за пояс немаленький пистолет, либо девяносто вторую «Беретту», либо кольт или нечто аналогичное).

Гость держался самым естественным образом – не кидал по сторонам настороженные взгляды, не суетился, не бросался к окну осмотреть улицу орлиным взором на предмет возможной слежки. Одним словом, прилежный студентик из хорошей семьи – но Мазур, не раз сталкивавшийся со всевозможными инсургентами, революционерами и прочими идейными радикалами в разных уголках света, не особенно обольщался. Прекрасно знал, сколько крошечки способны нацедить при случае такие вот сублильные юные интеллигенты – бестрепетно и умело, во имя высоких идеалов (в данном конкретном случае помноженных еще на успешную и обширную торговлю кокаином).

Мазур старался соответствовать – в легком приличном костюме, белоснежной сорочке, при ярком галстуке и солидных очках с простыми стеклами в позолоченной оправе. Ни дать, ни взять преуспевающий адвокат, успешный репортер, а то и начинающий политик.

– Добрый день, сеньор стентон, – сказал юноша непринужденно. (Это Энджел придумала Мазуру довольно аристократическую для Штатов фамилию). Меня зовут санчес. Мы можем ехать, команданте вас ждет. Я искренне надеюсь на вашу порядочность, потому что любое другое поведение, как легко догадаться, чревато самыми печальными последствиями...

– Милый юноша, – сказал Мазур с аристократической укоризной. – Могу вас заверить, что я в жизни не состоял на службе в тайной полиции, а также во всевозможных разведках...

Что, между прочим, с формальной точки зрения было чистой правдой, поскольку он всю жизнь был классическим армеутом.

– Ну что вы, сеньор, – усмехнулся гость. – Я вас ни в чем подобном не подозреваю, просто таковы уж правила игры, которая должна быть честной... Пойдемте?

Они вчетвером разместились в зеленом джипе Энджел – Дик за рулем, санчес рядом с ним, а Мазур с девушкой на заднем сиденье, что твои голубки.

– Поезжайте прямо, старина, – небрежно распорядился санчес. – Я потом объясню, куда поворачивать...

Мазур отметил, что юнец, едва машина тронулась, мгновенно преобразился. Он не вертелся на широком мягком сиденье, не крутил головой по сторонам – но быстрые взгляды то в зеркальца, то по сторонам свидетельствовали, что сопляк не так прост, видывал виды и безусловно способен *просечь* любую слежку. Временами он кратко объяснял:

– На повороте – налево... до памятника – и направо...

Шло время. Мазур не знал города, но очень быстро убедился, что посланец команданте заставляет Дика изрядно попетлять, так что любой, даже самый искусный «хвост» рано или поздно попадет на глаза... сам он никакого «хвоста» пока что не видел – впрочем, он-то в этом не был спецом.

Мимолетно коснулся локтем своего верного пистоля, втайне от новых друзей запрятанного под элегантным легким пиджаком гораздо искуснее, чем это получалось у санчеса. И заветная сумка была при нем – выпросив у хозяйки аванс, Мазур купил ее в соседнем

магазинчике и перегрузил туда немудреные пожитки, потому что побывавший в коровьем дерьме рюкзак выглядел очень уж предосудительно. Энджел с некоторым удивлением подняла брови, когда Мазур потащил сумку с собой в машину, но он непреклонно объяснил, что долгая жизнь бродяги-моряка приучила все свое носить с собой, особенно когда этого своего не особенно-то и много, потому что лишаться последнего обиднее даже, чем, скажем, терять один миллион из десяти. В общем, воры в их отсутствие могут залезть запросто. Она не стала спорить, так что все обошлось...

Прошло не менее получаса петляний, кружений, проезда по тем же улицам, что и давеча. В конце концов, очень похоже, разумная подозрительность санчеса улеглась, и он сказал уже чуточку другим тоном:

– Дружище, сворачивайте на авениду Сан-Хуан и прите по ней до конца...

Дик кивнул и притоптал педаль газа. Машина пронеслась по одной из самых длинных улиц Ла-Бьянки, мимо полицейского поста, не обратившего на них ровным счетом никакого внимания, выскочила на окраину, попетляла меж стареньких домишек и вовсе уж жалких лачуг, выехала за город и согласно ценным указаниям Санчеса помчалась по неширокой асфальтированной дороге. Деревьев вокруг становилось все больше – не настоящие джунгли, конечно, но места пошли насквозь необжитые...

Еще минут через двадцать быстрой езды Санчес выдал очередной ориентир, и джип свернул на узкую проселочную дорогу, представлявшую собой две глубоких колеи в красноватой сухой земле. Если бы не экзотические деревья и *ненашенский* цвет земли, как две капли воды походила бы на российскую глубинку...

Стежки, подобные этой, человека вроде него всегда раздражают до предела – поскольку на них проще простого устроить засаду. Будь ты хоть царь и бог спецназа, не убежешься: дорога узкая, а чащоба густая, даже зеленый сопляк сможет без особого труда выпустить пулеметную очередь, а то и снаряд из базуки – и раствориться невозбранно в дебрях, прежде чем его успеешь не то что положить, а хотя бы заметить. Остается надеяться, что партизанам и в самом деле необходимо, говоря американскими оборотами, паблисити. Мазур и без объяснений Энджел знал, что всевозможные партизаны обожают журналистов – но далеко не все, между нами, взять хотя бы Кампучию, долбанный кошмар...

Впереди совершенно неожиданно открылось обширное пространство – этакая проплешина диаметром с полкилометра. Посреди нее стоял двухэтажный домик, даже издали заметно, старинный и ветхий на вид, поблизости – два вовсе уж развалившихся сарая. На небольшом участке росли аккуратными рядами какие-то злаки. Мазур подумал, что он, человек сугубо городской, и на родине-то не смог бы отличить пшеницу от ячменя, а уж здесь-то...

Меж двух рядочков копался с чем-то вроде мотыги человек в большой соломенной шляпе и потертых портках, голый по пояс. На шум подъезжающей машины он не обратил ни малейшего внимания, словно был глух от рождения.

Вроде бы это называлось чакра – небольшая ферма, здешний хутор. Да, кажется, чакра...

– К парадному входу, – сказал Санчес невозмутимо.

«Парадный вход» представлял собой кирпичное крыльцо с остатками бывшего навеса. Дик заглушил мотор, и они вылезли, прихватив камеру. Мазура порадовало, что Энджел хозяйственно заперла машину – вообще-то повстанцам мелкое воровство не свойственно, но все же так спокойнее...

Санчес первым направился в дом – энергичной походкой человека, бывавшего здесь не впервые. Мазур шел следом, неторопливо, солидно, как и полагалось известному в Штатах репортеру.

Они оказались в большой комнате, где у глухой стены стоял самый обычный стол, накрытый свисавшим до облупленных половиц флагом – красно-черно-зеленым, с перекрещенными мачете и еще какими-то золотыми орнаментами – а за столом в картинной позе восседал человек, несомненно, долго и упорно трудившийся над тем, чтобы придать себе максимум сходства с легендарным Че Геварой – совершенно та же борода, тот же круглый берет (только эмблема другая, разлапистая золотая кокарда, приличествующая фельдмаршалу), похожая защитная куртка. Годочков ему было, если присмотреться, немногим более, чем Мазуру.

У двух окон – одно напротив стола, другое в стене по правую руку команданте – стояли в напряженных, вовсе не картинных позах два молодца, одетые без всяких выкрутасов в стиле Че: камуфляж, высокие ботинки, непокрытые головы.

Санчес, сложив руки на груди, встал за левым плечом бородача с видом любимого наполеоновского маршала. Метрах в пяти от стола аккуратной шеренгой стояли три стула, предназначенные для гостей. Приглашающий жест хозяина – и Мазур уселся на средний стул, а Дик принялся старательно устанавливать камеру на треноге. Возникла неизбежная пауза...

И Мазур, обратившийся в зрение и слух, сделал не особенно приятное открытие. На втором этаже – куда вела разошедшаяся лестница с выломанными перилами, притулившаяся у четвертой стены – определенно был кто-то еще. И, быть может, не один человек. Они там старались перемещаться как можно тише, но их выдала пыль – ее крохотные частички, искрами вспыхивающие в солнечных лучах, косо бивших в лишенное стекло окно, вмиг сообщили опытному человеку о том, что на втором этаже кто-то затаился. *Так* перемещаться пылинки могут в одном-единственном случае – если отделяются от потолка в результате осторожных шагов наверху... Логично, отметил Мазур. Я бы на его месте еще и в лесу вокруг чакры разместил полдюжины автоматчиков, а лучше дюжину... Поскольку всегда и везде следует считать, что противник как минимум не дурнее тебя, пессимизма ради будем думать, что в лесу – дюжина стволов...

Камера прочно угнездилась на штативе. Дик непринужденно отошел в сторону, на несколько шагов, что-то прикидывая, глядя в рамочку, составленную из четырех пальцев обеих рук...

И происходящее рвануло, как пришпоренный конь...

Целая серия звонких щелчков – и оба субъекта с автоматами без крика рухнули, подламываясь в коленях, сползая по стене, выронив глухо стукнувшие итальянские игрушки, Энджел, молниеносно развернувшись в сторону стола, выстрелила в Санчеса – и замерла, держа оцепеневшего команданте под прицелом классического «Вальтера» с глушителем. Дик, с такой же пушкой, бдительно стоял у первой ступеньки лестницы. Все произошло так быстро, что в голове Мазура не успело родиться и одной-единственной мысли – он лишь прилежно фиксировал происходящее глазами...

Команданте, вроде бы не потеряв присутствия духа, что-то спросил по-испански спокойным тоном. Прикрикнув на него гораздо резче на той же мове, Энджел наклонилась к самому уху Мазура и отчетливым злым шепотом, насквозь незнакомым, сообщила:

– Сиди, как ни в чем не бывало и *пыжься*, словно ты тут и впрямь самый главный... Если пройдет гладко – получишь приличные бабки, а подведешь – пристрелю к гребаной матери... Ну, сделал суровую рожу, кому говорю!

Мазур старательно делал суровую рожу, поскольку ничего другого вроде бы не оставалось. «Ах, вот оно что! – наконец-то появились в голове первые толковые мысли. – Журналисты, мля! Судя по ухваткам, эти двое – натуральные агенты. Так-так-так... Вот влип!»

– Там, наверху, кто-то есть, – ответил он быстрым шепотом, поскольку предупредить девку об этом было и в его жизненных интересах.

– Сама чую, – огрызнулась она шепотом. – Рожу, рожу!

Со стороны это, голову можно прозакладывать, выглядело так, будто подчиненная со всем возможным пиететом просила дальнейших инструкций у сурового босса-командира. «Но зачем им я, на хрен? – смятенно задал себе Мазур вопрос, ответ на который, он знал, следовало отыскать немедленно ради собственного же блага. – Импозантная витрина...»

В памяти у него зашевелилось что-то давнее, пережитое, бывшее уже однажды в других широтах...

Энджел, выпрямившись, с чужим и незнакомым лицом, что-то чеканила по-испански. Команданте слушал с непроницаемой физиономией. Мазур чуть не взвыл от злости – он-то не понимал ни словечка...

А собственно, на хрен ему этот флаг на столе? Гораздо зрелищнее было бы живописно растянуть его на стене, за спиной, как оно исстари и заведено – полководец на фоне своего славного боевого стяга... думай, думай, здесь все должно иметь смысл!

Команданте, пожимая плечами, что-то кратко ответил. Вряд ли это удовлетворило девушку – судя по ее ожесточенно-сердитому лицу, не удовлетворило вовсе. И она вновь заговорила, такое впечатление, стараясь многословно и убедительно разъяснить некие неведомые истины...

«Шилонга! – форменная молния сверкнула у Мазура в мозгу. – Ну конечно же, Шилонга!»

Начальник охраны давным-давно забытого генералиссимуса Олонго, президента по названию и диктатора по сути, при дворе которого Мазур в свое время оказался по служебной необходимости, когда этот африканский прохвост еще не рассорился насмерть с Советским Союзом и старательно изображал твердокаменного марксиста. Сухонький, незаметный, бесшумно передвигавшийся Морис Шилонга, единственный из местного *политбюро*, кто сумел смыться из столицы, когда повстанцы ее заняли – впрочем, это случилось гораздо позже, но все равно...

Так вот, за Шилонгой, куда бы он ни шел, таскались весьма колоритная парочка охранников. Один был громадный, двухметроворостый, с жуткой харей пирата, головореза и людоеда, весь увешанный оружием самого устрашающего облика. И другой – маленький такой, невзрачный, без единого ствола на виду...

Весь фокус был в том, что громадный служил главной мишенью – о чем ему, больному, конечно же, не сообщали, не говорили, что на этом почетном месте уже по причине внезапной насильственной смерти сменилось с полдюжины его предшественников, столь же громадных и на лицо ужасных, так же от ушей до пяток увешанных стволами. А невзрачный – серьезный, без дураков, мастер по карате и стрельбе из двух пистолетов сразу – как раз и вступал в дело, пока нападающие сосредоточивали все внимание и усилия на великане. И кончалось всегда одинаково – сколько раз враги пытались до Шилонги добраться, столько раз и гибли верзилы, а сморчок уцелел, вместе с шефом и растворился в неизвестности, унес ноги...

Случайно это всплыло в памяти, или подсознание что-то подсказывает? Мазур походил сейчас на гранату с выдернутой чекой, рычаг которой удерживают лишь опытные пальцы, и до взрыва остались секунды. Чтобы выйти живым из этой передрыги, следовало, как не раз бывало прежде, стать из живого человека идеальным механизмом – иначе кранты...

Команданте, выслушав очередную тираду Энджел, уставился на Мазура и на очень приличном английском с явственным американским акцентом произнес:

– Любезный, объясните вашей девочке, что я достаточно серьезный человек, чтобы мы с вами общались напрямую, без нижних чинов. Честно говоря, я плохо представляю, о каких микросхемах идет речь. Мы – не мелкие воришки, которые что-то там таскают с ваших самолетов. Мы – борцы против тирании. И в этом качестве...

Он сделал резкое движение правым плечом вперед, его лицо на краткий миг исказилось в многозначительной, произвольной, знакомой Мазуру гримасе *предчувствия* стрельбы, а в следующий миг Мазур в великолепном прыжке уже летел в угол головой вперед, краем глаза успев заметить, как полотнище флага с изнанки полыхнуло дырками с опаленными краями, желтыми язычками огня, слыша оглушительную в четырех стенах автоматную очередь...

Энджел еще запрокидывалась в нелепой позе, содрогаясь под ударами пуль, с лицом человека, еще не понявшего, что его только что убили до смерти, и это необратимо. Еще заваливался Дик – а Мазур уже рванул колыт из-под пиджака, перекатился подалее от лестницы, дважды выстрелил в повороте – и не промазал, конечно, прилаженный под столешницей автомат умолк, команданте звонко стукнулся затылком об стену, с дыркой посреди лба и второй – на две ладони пониже левой ключицы, аккуратно против сердца...

Лестница затряслась – по ней опрометью сбегал человек, яростно, наугад лупивший перед собой из автомата. Дав ему достигнуть середины лестницы, Мазур еще раз перекатился, нажал на спуск. Стрелок с невероятным грохотом загремел по ступенькам, мертвее мертвого.

Мазур ждал, замерев и держа пистолет наготове. Он не сводил глаз с потолка, но проходили секунды, слившись почти что в целую минуту, а наверху никто не шевелился. Походило на то, что в засаде там сидел один-единственный орелик. Знать бы еще, как обстоят дела снаружи – там тишина, но это ни о чем еще не говорит... Пока не выглянешь, не удостоверишься. Пора решаться...

Пачкая новехонький костюм, он осторожно подполз к Энджел. И, постаравшись не вляпаться в кровавые пятна, вытащил из кармана ее курточки ключи от машины. Потом тем же макаром перебрался правее, прихватил автомат чердачного обитателя, снял у того с пояса сумку с тремя магазинами. Окинул взглядом комнату. Никто из семерых не шевелился, вонь пыли и старого трухлявого дерева напрочь перебивал прекрасный знакомый Мазуру запах крови, кровушки, кровищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.